

Ветер вдохновения

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-1
ББК 84
В39

Авторы: Бивол Анжелика, Горский Алексей,
Елистратова Людмила, Елистратов Егор, Ильина Галина, Инчоль Елена,
Календарева Нина, Коробкина Любовь, Лазарева Александра,
Лишманова Надежда, Любякин Александр, Мельников Сергей,
Сазанович Вячеслав, Симонян Наира, Сладкова Маргарита,
Ставровский Евгений, Сочихин Никон, Томшин Алексей,
Федина Виктория, Фомина-Яблуновская Людмила, Хисматуллин Юрис

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ветер вдохновения / Анжелика Бивол [и д. р.]. – [б. м.] :
В39 Издательские решения, 2020. – 258 с.
ISBN 978-5-0051-3126-3

Ветер – это движение. И в то же время, ветер – штука капризная, он то есть, то его нет. Он способен – то крушить и ломать, то одаривать лаской. Вдохновение тоже вещь капризная – то есть, то нет. И вдохновение, по-настоящему, начинает работать только тогда, когда находит именно свой ветер – ветер вдохновения.

УДК 82-1
ББК 84

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0051-3126-3

О ГОРОДЕ, АВТОРАХ И СБОРНИКЕ

Сургутское литературное объединение «Северный огонёк» появилось на свет в 1967 году. А за два года до этого, давно постаревший, но мало кому известный, город Сургут внезапно стал снова молодым. В Западной Сибири начиналась нефтяная эра. Грандиозные стройки позволили превратить город в нефтяную столицу России. Сургут продолжает развиваться и сейчас. Ожидается, что он станет городом с полумиллионным населением и на этом не остановится.

А параллельно с Сургутом развивалось и объединение «Северный огонёк». Молодые авторы, так же, как и город, мужали, отмечались призами и грамотами, вступали в союзы писателей, выпускали книги. Но главное, что объединение по-прежнему живет и развивается, став самым старейшим литературным объединением не только города, но и всего Ханты-Мансийского автономного округа в целом.

В «Северном огоньке» не было и нет авторов, похожих друг на друга. Разные профессии, взгляды, характеры. Разные интересы и предпочтения. Но всех и всегда объединяло одно — неудержимая тяга к литературному творчеству.

Вниманию читателя предлагается сборник произведений авторов, входящих на момент выпуска книги в состав объединения. Каждое авторское слово в сборнике, это кусочек души самого автора. А все слова, все произведения, в сумме, и есть — сургутское литературное объединение «Северный огонёк».

Вячеслав Сазанович, руководитель сургутского литературного объединения «Северный огонек»

АНЖЕЛИКА БИВОЛ

ЖИТЬ

Откуда-то свыше явилось всё это:
Птиц гомон и утренний звон в тишине.
И день, в голубое сиянье одетый,
И радость беспечная новой весне.

И это желание жить, не рисуясь,
И счастье в стихи облекать Божий мир,
Жить тихо и просто, любя и любуясь
На щедрость земли, на небесный сапфир.

Откуда-то свыше — души тихий трепет,
Волшебная пена седых облаков,
Листвы новорожденной благодный лепет,
И солнце — сквозь вечную мудрость веков...

БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЁЗДЫ

Бродячие артисты.
Невзрачные повозки.
Герои и статисты
Выходят на подмостки.

Блуждающие звёзды
Свой свет несут по миру,
И в каждом живы грёзы
Для мира стать кумиром.

Бредут сквозь дождь и ветер,
Вверяясь воле Бога.
Окончится в рассвете
Их долгая дорога.

ВЛЮБЛЁННЫЙ КЛОУН

Смеются ковровые: «Глупый Пьеро!
Вчера утащил с её шляпки перо.
А ей всё равно, не глядит на тебя.
Страдаешь, бедняга, горячку любя!»

Она — акробатка! Пристало ли ей
Быть рядышком с мимом, смешавшим людей?!
Я счастлив украдкой за ней наблюдать
И изредка тувельки ей подавать.

Быть тенью её и слугой неприметным.
Достаточно миму любви безответной...

Замри, почувствуй не дыша,
Как время сквозь мазки струится,
Как бесконечно хороша
Печаль, сияющая в лицах;

Как уходящий в вечность свет
Зовёт и нас в свои чертоги.
И там, спустя немало лет,
Сойдутся все пути-дороги...

Стекает грусть с холстов, гляди!
Почувствуй – вечность впереди...

ВСЁ, КАК ВСЕГДА

Всё, как всегда: фонарь, аптека,
Луны неяркий мутный свет.
По улицам три с лишним века
За ночью следует рассвет.

Мосты, каналы, вечный ангел,
Атланты — в портике дворца.
Стихи поэта на бумаге
Твердят — нет этому конца!

Да и не надо! Пусть и ныне
Встречает нас, как добрый друг,
Блок, позабывший про унынье,
Влюблённый в вечный Петербург.

В НОЧИ ОПЯТЬ МЕТЕЛЬ КРУЖИТСЯ

В ночи опять метель кружится,
Совсем забыла — март настал.
И новый снег летит, искрится,
Торопится со старым слиться,
На город спящий наш ложится.
Господь с небес его послал.

И снег, послушный Божьей воле,
Не ропщет, не кряхтит — идёт!
О смысле действия не споря,
Не вопрошая вверх: «Доколе?»
И, кажется, он тем доволен,
Что чистоту в наш мир несёт.

Живу, как у Господа в тёплой ладошке,
Не зная тревог и печали.
Любуюсь на солнечный мир за окошком,
Бескрайние синие дали.

Всё слушаю песни ветров беззаботных,
Дождей озорных переливы.
Внимаю чириканию пташек свободных
И шорохам листьев игривым.

А Бог тихо-тихо качает в ладонях,
Мольбы принимая с улыбкой,
Вчера пожурит, пожалеет сегодня
И вечно прощает ошибки.

А время беспечно торопится вдаль,
Не зная, что бег его сеет печаль.
Не думая, вертит светила и землю,
Виски серебрит, уговорам не внемля.

А время частенько над нами хохочет
И радостно голову людям морочит:
День, словно бы год, год летит, будто птица,
И больше в черёд свой не возвратится.

КАКАЯ МАЛОСТЬ

Летят мгновения с небес,
Снежинок стая
Кружится. Молчаливый лес,
Рассвет встречая,

Накинул старенький платок,
Уютный, древний,
Укутав каждый уголок,
Тихонько дремлет.

Лес тихо дремлет. До весны
Два дня осталось —
Неспешности и тишины —
Какая малость...

БЫТЬ

Попробуй быть весенней почкой,
Весёлой беззаботной строчкой,
Чудесным тёплым летним днём
И хулиганистым дождём,

И лужами, в которых небо,
И сказкою, где правит небыль,
Но побеждает всё ж добро!

И слов святое серебро
Не лить напрасно...

АЛЕКСЕЙ ГОРСКИЙ

ОБ УДАЧЕ НА ДАЧЕ

Закреть сезон на старой даче
Я без труда сегодня смог.
С малиной не было удачи –
Она замёрзла, не иначе,
И я ушёл, закрыв замок.

ЗАМЕЛО, ЗАДУЛО, ЗАПОРОШИЛО

Замело, задуло, запорошило
В октябре в один из хладных дней.
Я просил ведь зиму по-хорошему:
Придержи лихих своих коней.

Мы, пойми, ещё не нагулялися,
Не впитали солнышка тепло.
Ты же отправляешь нас к «шилялисам»,
Узреть югá в ТВ-стекло.

Что ж, мети, коль очень тебе хочется.
Ты ведь тоже любишь нашу Русь.
Для страны зима уже как отчество,
Ну а я с весной договорюсь.

К НАЧАЛЬСТВУ

Давайте спустим день на тормозах,
Хоть мозг порой участливо дымится,
А личико так жаждет искривиться.
Давайте спустим день на тормозах.

Давайте спустим день на тормозах,
Ведь всё же мы — не винтики, а люди.
Пронзительно обидно это будет.
Давайте спустим день на тормозах.

Давайте спустим день на тормозах.
Вы этот день не запятайте злобой.
Не так уж много дней дано нам, чтобы...
Давайте спустим день на тормозах.

НЕ ТРОГАЙТЕ

Не трогайте молчащего поэта.
Вам в суете житейской не понять,
Что сей певец добра, любви и света
Свой новый стих берётся сочинять.

Быть может, не напишет в жизни лучше,
Чем в голову приходит в этот миг.
Врачует человеческие души
Великой Каллиопы* ученик.

**Каллиопа – муза эпической поэзии др. Греции.*

ПОЧТОВАЯ ЛЮБОВЬ

В который раз держу свой путь на почту,
Меня не бандероль туда влечёт,
И писем не хочу отправить срочных —
Глубоких чувств неистовый полёт.

За девушкой однажды наблюдая,
Что службу там достойную несёт,
Поймал себя на том, что восхищаюсь
Её прекрасным образом, и вот...

Заказ я вновь почтовый оформляю,
Чтоб видеть ту, которая не ждёт.
Она, быть может, и не замечает,
Как я люблюсь ей, разинув рот.

И я иллюзий вовсе не питаю —
Едва ли та красавица одна, —
Но подойду и просто ей признаюсь,
Испив сосуд молчания до дна.

ВЧЕРА НА ДЕНЬ Я БЫЛ МОЛОЖЕ

Вчера на день я был моложе.
Сегодня старше, чем вчера.
И чуть гнуснее стала рожа,
И чуть потрёпанней мездра.

Уж время жизни обривает
Песок исхоженных минут.
Висок всё больше обеляет
Сребро, которого не ждут.

И бренно всё под небом синим,
Но, не взирая на исход,
С тобой, великая Россия
Я продолжаю свой поход.

ГОДА...

Года — важнейший жизни капитал,
А месяцы — разменная монета.
И ты ещё не думаешь про это,
Пока серьёзный повод не настал.

Но старость всё ж настигнет и тебя.
Монеты жизни в темпе убегают.
Глядишь — уже и смерть тебя встречает,
Последнюю монету теребя.

ПОКОРИТЕЛЬ ЗНАНИЙ

Дорогу к ВУЗу мерно сокращая,
Сугробов тонны он одолевал.
«Вот так дорогу к знаниям покоряют», –
Об этом символично размышлял.

Но вот в снегу по пояс оказался,
И в мыслях «покоритель» замолчал.
Сушить штаны домой он возвращался
И долго ничего не покорял.

АХ, ПЕРВОМАЙ!

Ах, демонстрация на май!
Красиво, зрелищно, приятно.
Но вновь иду я невзначай
До магазина и обратно.

ПОКА ЖИВЁМ

Пока живём несчётные минуты,
Покуда держит матушка земля,
Дай Бог, дойти во всём до абсолюта.
И не скатиться после до нуля!

ЛЮДМИЛА ЕЛИСТРАТОВА

ЛАНДЫШИ

Моё диковатое детство резвилось в лесах.
Вот где был простор разновóзрастной
 шумной ватаге!
То с гвалтом гнездились на крепких
 дубовых ветвях,
То гибкие прутья шутя превращали мы в шпаги.

Волнует детей новизной окружающий мир –
Не счесть, сколько сделано было
 «великих» открытий.
Нас в мае дурманящий запах в низину манил
Разведать: так что же в тенистой дубраве сокрыто?

А там – жемчуга на канве травянистых ковров
Рассыпаны маем – лесное желанное чудо.
Сердечки восторг заполнял той счастливой порой,
И – «Ландыши! Ландыши!» –
 крики неслись отовсюду.

Он был нам подобен – наивный, невинный цветок,
Детсадовский выводок в шёлке
 панам белоснежных!
Под мощной защитой широких упругих листов –
Как мы под опекой родительской –
 цвёл безмятежно.

Он нас привлекал, восхищал, завораживал взгляд.
И не сознавая, что наша губительна встреча,
Мы рвали, вдыхая конфетный его аромат,
Букетики, чтобы порадовать маму под вечер...

Безжалостно время срывает покров новизны.
Увы, не осталось вокруг ни чудес, ни загадок.
Но если я ландыш увижу на склоне весны,
То мир, словно в детстве, на миг
безмятежен и сладок.

ХРУПКАЯ ЖЕНЩИНА

Хрупкая женщина — храбрая леди.
Сотую часть её стойкости мне бы!
В калейдоскопе моих впечатлений —
Яркой картинкой её появленье.

Ей суждено меж беспомощных будней
Стержнем служить для изломанных судеб.
Мимо больных, одиноких, немилых
Без соучастия не проходила.

Если заброшенных деток встречала,
Не причитала — усыновляла.
Многих взрастила в годы лихие,
Не различая, свои иль чужие.

Прямо скажу, ей не всё удавалось,
Только она никогда не сдавалась.
Сколько бы копий жизнь ни ломала —
Снова на крепость с открытым забралом.

Так и живёт — время пыл не остудит —
Поводырём неустроенных судеб!

СТРАСТНОЕ ТАНГО

Страстное танго... За звуками рваными
В звёздные сумерки тянутся нервы,
И напоён ароматами пряными
Воздух горячий прибрежной таверны.

Звук бандеона – с напором и робостью,
Кажется – стонет призывно гитара.
Сколько надежд обезглавлено гордостью,
Сколько же клятв обесценено старых!

С каждым движением страстью прикованы,
Двое танцуют – финал уже близок,
Взгляды пронзают, толпа околдована...
Знойное танго – мучительный вызов.

ДВА СЕРДЦА

Два сердца, настрадавшихся —
В пустыне ли, в обители?
Два сердца настрадавшихся
Друг друга вдруг увидели.
Сначала просто сблизились,
Вгляделись недоверчиво,
А после примагнитились
(На год? На два? Навечно ли?)

Сердечка два бесстрашные
От прошлого излечены.
Любовью дни раскрашены
И радостью подсвечены.
Два сердца-победителя
Не верят в боль с разлукою.
О, ангелы-хранители,
Храните счастье хрупкое!

КОКОН СУДЬБЫ

Мир – которую зиму! – пленительно белый,
Впереди – новогодний чарующий плен.
Почему же себя ощущаю лишь телом,
Передавленным грузом житейских проблем?

Где непознанный мир, волновавший до дрожи?
Отчего потолок заменяет мне высь?
Дней суровые нити – тусклы и похожи –
В тесный кокон судьбы неприметно сплелись.

Что затаилась печаленно,
Душа не складная моя?
Рифмуешь истины банальные,
Как откровенья бытия.

Шуршишь стихами, словно осенью
Увядший лист... А где же пруть?
Неужто ты – журавль колодезный,
Не можешь птицей воспарить?

Мечтаешь: суть да смысл изменятся,
Чтоб изумлять стихами впредь...
Но словно ветряная мельница:
Крылами машешь – не взлететь.

СМИРЕНИЕ

Смирилась я давно с судьбой,
Брала лишь то, что шло мне в руки:
И безответную любовь,
И жало острое разлуки.

Учить смирению меня
Не сто́ит, я к нему привыкла,
Претит мышиная возня
В пределах жизненного цикла.

Примерив север, – по плечу! –
Покорно нарекла отрадой,
Разнообразные «хочу»
Переперчила вечным «надо».

Мне предназначенный шесток
Освоила без возражений.
Всё вижу: этот мир жесток,
Да только я – не для сражений.

ВСЛЕД...

Ликуем, склонившись над новорождённым,
Надежды кружат расточительной стаей,
Вещая, что звёзды к нему благосклонны,
И ярко над миром судьба просияет.

Вслед юному — взгляд, понимания полный:
Жизнь — сплав по реке то спокойной, то сложной,
Швыряют порой ошалевшие волны...
Удастся ли выплыть на берег надёжный?

Вслед зрелому — взгляд сожаления полон:
Кто временем загнан в тупик, тот — растерян,
Со склонов судьбы нарастающим комом
Летят леденящие сердце потери.

Уже очевидны просчёты, ошибки,
Но прошлое скрыто — исправить не в силах.
И гаснут, как свечи, родные улыбки...
И молим, чтоб память их свет сохранила.

Для новой судьбы семафорит зелёный,
Мечты к колыбельке слетаются стаей.
И верим наивно: звездой благосклонной
Смягчившийся мир малышу просияет!

ЕГОР ЕЛИСТРАТОВ

ВОСТОРГАТЬСЯ ИЛИ ПЛАКАТЬ?

Восторгаться тобой или плакать?
Кто родился — уже обречён.
Восковая свеча будет капать,
Уменьшая огонь день за днём.

Отцветёт и цветок неизбежно,
Разлетится с тычинок пыльца,
И сотрёт первозданную нежность
Ряд морщин с дорогого лица.

Реки силы покроются тиной,
Достижения в пыль перетрёт...
Время рушит любые плотины,
Обрывает пьянящий полёт.

Восторгаться тобой или плакать?
Разве может ответить легко
Тот, кто возвращивал сочную мякоть
Апельсина своею рукой.

Кто почувствовал терпкую хвою,
Солнцем ярким обласкан в лесу.
Кто вернулся домой после боя,
Заглянув сердцем в самую суть.

Кто услышал прекрасную песню
И гармонию в душу пустил.
Кто с детьми забывается вместе,
Не жалеет ни нервов, ни сил.

Кто сражен был хмельным поцелуем
И любил, и делился теплом.
Кто картины с улыбкой рисует
И танцует под летним дождём.

Кто в надёжном порту бросил якорь,
Каждый день проживает, любя.
Восторгаться тобой или плакать?
Это каждый решит для себя!

ДРЕВО

Как первый луч рождает новый день,
Так и тебя взлелеет капля влаги,
Наполнит семя силой и отвагой,
Чтоб выжить, развернуться, прорасти
И перейти заветную ступень.

Как много птиц слетается на пир,
Но почва сбережёт тебя до срока.
Росток пробьётся к светлому истоку
Тепла, любви, бескрайности и жизни...
Тянись к нему, он — твой ориентир.

Уж множество колец древесной плоти
Скрывает ветром опалённая кора.
И жизнь — то ли борьба, то ли игра
За право стать одним из тех, кто наблюдал
Беспомощных птенцов в лихом полёте.

ДУНОВЕНИЕ

Снова ветер-художник рисует круги
на воде с упоением.
Муза тихо стоит на прибрежном песке,
чтоб дарить вдохновение.
Неба синего ширь с голубою водой
в тех глазах отражаются.
Ничего не заметит прохожий простой,
а поэты влюбляются.

Ветер тайн не хранит и в густых волосах
прядью пишет послания –
Как мечтает она позабыть о делах
и пойти на свидание,
Как расписан весь день по часам
одиначества крупными точками...
Я, как ветер, легонько касаюсь её
дуновением – строчками...

* * *

Кто же на вечернем небосклоне
Так красиво звёзды разложил,
Чтобы человек однажды понял,
Что не зря на белом свете жил.

Что не зря стремился он к рассвету,
Словно конь, порвавший удила;
Что не зря трудился беззаветно,
Корни выкорчёвывая зла;

Что не зря засеял густо рожью
Поле, что «молчало» до поры;
Что не зря спешил по бездорожью,
Детям привозя свои дары;

Что не зря омыл теплом, любовью
Раны близких, как живой водой;
Что не зря он засыпал с мольбою
Чтобы обрести в душе покой.

Что не зря на жизненном он склоне
С мыслью, что всегда звала, застыл:
«Кто же на вечернем небосклоне
Так красиво звёзды разложил?»

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Я всё думал, ты – ветер попутный,
Что наполнит мои паруса,
И настанет такая минута,
Что корабль взлетит в небеса;
Что наполнятся трюмы богатством,
Стоит только увидеть тебя;
Что откроются двери от царства,
Где не будет ни бурь, ни дождя.

Только ветер горчит... Серый пепел
Отпылавших боёв и штормов
Опадает, летает и слепит,
Да на мачте клочки парусов...
И на палубе мысли-матросы
Ошалели от песен сирен...
Лишь тугие, надёжные тросы
Остановят немислимый крен...

Пусть потерян знакомый фарватер,
Отыщу в полнолуние следы.
Я меняю летучий корабль
На «Летучий голландец» судьбы.

МОЙ ГОРОД

Я иду по улицам Сургута.
Стелется заката полоса,
Вестники комфорта и уюта —
Окон золотистые глаза.

Город мой красив и эпатажен.
Светел, как спасительный маяк.
Он сменил ряды одноэтажек
На высоток твидовый пиджак.

На дорогах сонм автомобилей
Льётся нескончаемой рекой.
Город мой — источник изобилья,
Чужд ему упадок и покой.

С ним мы словно спаяны навечно,
Сердце тихой радости полно:
Среди жёлтых окон бесконечных
И моё любимое окно.

СОН

Фрукты сладкие на потом,
Губы алые – мы вдвоём,
Платье стелется, как река,
Ты прекрасна и так близка.

Мне не верится – это сон,
Что дыхание в унисон,
Что биение всё быстрее,
Позабыта постылость дней.

Радость в сердце, заря в глазах,
Стрелки замерли на часах.
Растворились в тумане грёз,
Утонул средь твоих волос.

Лишь одно разум мой гнетёт:
Скоро утро в окно скользнёт,
Луч пробьётся сквозь щель гардин,
Я в постели проснусь один...

ТАЙНА

Застыла кисть у мастера в руке.
Печален лик модели, затуманен.
Не мог отобразиться на холсте
Душевный свет, что был необычаен.

Призвали музыкантов и шутов,
Чтоб растопить тот лёд и сердце тронуть.
Улыбки нет. Не смог пустить ростков
Поток из нот. Не расцвести бутону.

Тогда художник начал свой рассказ
О четырёх скитающихся братьях:
Отец им перед смертью дал наказ
Умением блеснуть, года истратив.

Вернувшись, первый сын стал вырезать
Из дерева чудесное создание,
Чтоб девичьей скульптурой показать,
Как плотника уменье многогранно.

Увидев это чудо, средний брат
Для статуи прекрасной девы стройной
Пошил воздушный, шёлковый наряд
С ажурной, пёстрой юбкой многослойной.

А третий сын, известный ювелир,
Украсил деву золотом, жемчугами.
Морской волны огромнейший сапфир
Играл на солнце яркими лучами.

Четвёртый брат похвастаться не мог
Каким-то тонким, сказочным умением,
Но слышал он манящий зов дорог
И в высоте птиц радостное пенье.

Он к деде подошёл и вдруг запел
Песнь жизни, что природу пробуждает,
И дерева ствол в тот миг порозовел,
Румянец на щеках её пылает.

Открыла очи, взглядом обвела.
И братья, опустившись на колени,
Просили, чтобы сердце отдала
Тому, чей дар был самым драгоценным.

«Ты, мой создатель, будешь мне отцом,
И вас я полюблю, родные братья,
Но суженого вижу только в том,
Кто одарил душевной благодатью».

Рассказ окончен, мастер замолчал
И за работу взялся с упоением,
Он кистью зоркой тонко подмечал
Изящных губ незримое движение.

С тех пор минуло несколько веков,
А тайна над картиной всё витает.
Какую мысль, что скрыта глубоко,
Улыбкою Джоконда охраняет?

ГАЛИНА ИЛЬИНА

ОПЯТЬ НАСТУПИЛА ВЕСНА

Опять наступила весна,
Но к нам доберётся не скоро,
Порвав ледяные оковы,
Растопит большие снега.

Пока что под северный ветер
Танцует пурга вдоль дорог,
Но этот холодный порог
Весна переступит, поверьте!

Капéль будет дружно звенеть,
И каждому стукнет в оконце
Лучом своим ласковым солнце,
Чтоб стужу зимы отогреть.

Весеннюю песню синички
Не спутаешь ни с какой.
Усердно старается птичка,
Ведя переключку с весной.

Весна эту песню услышит,
И тут же нам знак подаёт:
То теплотью задышит,
То солнце поярче пришлёт.

А если птиц хор соберётся,
Да запоют в перелив,
Весна им в ответ отзовётся —
Подхватит капелью мотив.

Всё чаще встречаем с улыбкой
Летающие с юга ветра,
И каждый из нас без ошибки
Заметит: «Так пахнет весна!»

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Утром ранним по Сургуту,
По знакомому маршруту...
Вот и к нам весна пришла:
Солнце, небо голубое...
Настроение такое —
Всех бы разом обняла!
Сургутян, гостей Сургута
И кондуктора маршрута,
И берёзы, и рябины,
Что согреты за окном
Первым ласковым теплом!
Здравствуй, солнце, и весна!
Наконец-то ты пришла!

ХУДОЖНИКАМ ВСЕХ ИСКУССТВ

Пусть люди взлетают душой,
Коснувшись любого искусства,
И разнообразные чувства
В них вспыхнут вдруг яркой звездой!
В конце концов держится мир
И жизнь на любви и прекрасном,
Так значит, живут не напрасно
Художники! Бог наделил
Талантом их и озареньем,
Особенным мировиденьем...
В веках пусть живут их творенья
С Господнего благословенья!
Дарите сейчас, не потом,
Прекрасное словом и кистью,
И музыкой...! Людям несите
Свет в души и радость с добром!

Пусть Бог даст идеи и силы,
Мостите дороги к мечтам!
Пусть твой расцветает талант,
Художник великой России!

ГИМН ЗАГОРОДНОЙ ПОЕЗДКЕ

Вот и вырвались двести измученных душ,
Двести самых активных и преданных делу,
От учебных процессов, заевших, но нужных.
На душе у студентов приятно запело!
Оказалось, что солнце умеет светить
Раза в три ярче, чем городское,
Что за улицей, шумной и в серой пыли,
Есть ещё просто чудо земное.
Это самый пьянящий из всех аромат
От весенней травы под тобою,
Это в звёздной ночи болтовня невпопад,
Шелест вешних берёз над рекою.
Это небо и птицы, как целый поток –
Отражение в водах бессонных,
Это белый в горошек девчонки платок,
Промелькнувший за деревом тонким.
Это песни горластые под баян,
Это танцы до боли в коленях
И бесстрашный полёт за ночные края
На облезлых и старых качелях...
Как мне жаль, что придётся расстаться с тобой,
Дивный град с малахитовой песней!
...Снова в «школу» идём и приходим домой,
Снова бег по зачётам и... сессия.

ДЛЯ НАС С ТОБОЙ

Для нас с тобой кружился этот снег,
Он нежный, добрый, как глаза твои.
Стоим одни, закрывшись ото всех
Своими мыслями, дыханием своим.

Для нас с тобой был тёплым этот вечер,
Снежинки прятал у ресниц твоих,
Он подарил нам эту встречу,
Что мы с тобой делили на двоих.

Для нас с тобой горел весельем праздник,
И «Листья жёлтые» летели над тобой.
Ты знаешь, что всё это значит?
Что снова мы встречаемся весной!

Тогда капель ударится о землю,
Подснежник закачает «головой»,
Ты веришь в это? Я, конечно, верю,
Что всё вокруг опять для нас с тобой!

РАСТАВАНИЕ

Последний звук гитары замирает,
Когда-нибудь все песни допоем.
И вот автобус... Нас уже встречает
Огнями взлётной полосы аэродром.
О чём сказать друг другу на прощанье?
О встрече ли, о письмах, о любви?
Нет, грустно нам, мы просто понимаем,
Что слов не надо, лучше помолчим.
Всё есть в глазах: и радость, и тревога,
И что не хочется расстаться в этот миг,
Что «задержали б вылет ненадолго»,
Что мы с тобою – это целый мир!
Ещё друг другу руки согревали,
Улыбки нежные украдкой дарили,
И лишь одними грустными глазами:
«Не уходи, ты слышишь?» – говорили.
...В ночное небо самолёт взлетает,
И я – в тебе, а ты ещё – во мне.
Но всё же здорово, что вслед за расставаньем
Всегда шагает встреча по земле.

КТО ГОВОРИТ, ЧТО СЕВЕР НЕ ПРЕКРАСЕН, ТОТ НИЧЕГО НЕ СМЫСЛИТ В КРАСОТЕ

В Сургут приходит осень золотая,
Готовя путь серебряной зиме...
Кто говорит, что Север не прекрасен,
Тот ничего не смыслит в красоте!
Каких краёв-земель Господь не создал,
Но есть особенный в России край –
Что там Париж, Нью-Йорк, Пекин и Осло –
Разок сюда, на Север, приезжай!

Ты будешь им навеки очарован:
Так первозданна здесь природа и чиста,
Где взгляд не может охватить простора,
И неба – бесконечна красота.
Где облаков немислимы сюжеты,
Закатов роспись – бога волшебство,
Зимой пурга танцует пируэты
Под музыку бушующих ветров.

Пусть комары и мошки докучают,
А в декабре – мороз под пятьдесят...
Я, уезжая, по тебе скучаю
И очень скоро возвращусь назад.
Опять откроешь мне свои объятия,
Даря прохладу иль палящий зной,
Я буду снова ликовать от счастья,
От счастья встречи радостной с тобой!

ЗАЩИТНИКУ ОТЕЧЕСТВА

Пусть будет солнечным рассвет,
Без дыма и военной гари,
Не будет горя, слёз и бед,
А небо – мирное над нами!

Пусть будет полной чашей дом,
Семья, любимая встречает,
Друзья, обнявшись за столом,
С тобой пусть песню запевают.

Пусть дома ждут любовь и мир,
И наполняет душу радость,
Надёжным, крепким будет тыл,
А всё прекрасное – сбывалось!

Желаю жизненных побед,
Желаю счастья и удачи,
Желаю мира на Земле!
Да будет так! И не иначе!

ЧУДЕСА ВЕСНЫ

А на дворе опять весна!
Тепла вам в жизни не хватает?
Поверьте – чудеса бывают!
И к вам любовь придёт сама!
Вдруг в душу мотыльком влетит,
Весёлой прозвенит капелью,
Вас кто-то взглядом обогреет,
И с ним вам будет по пути!
В душе закончится зима,
И льдинки грустные растают...
Поверьте, в жизни всё бывает,
Когда любовь придёт сама!
И где-то в сердце зазвучит
Высокой музыкой небесной,
Прекрасным праздничным оркестром
Из счастья, смеха и мечты!

ЕЛЕНА ИНЧОЛЬ

КОЛИБРИ

(из цикла «Легенды»)

Гласят легенды: крошечные птицы,
Мир красотой своею удивляя,
Сердца и души счастьем наполняя,
Нам помогают от любви светиться!

А времени колибри не подвластны,
И от цветка к цветку перелетая,
Мечты с реальностью соединяя,
Они напоминают: жизнь прекрасна!

Пейзаж осенний как открытка:
Абстракция со всех сторон!
Всё слишком тонко, слишком зыбко...
Река, изгиб – полуулыбка,
Готова погрузиться в сон.

Сгустился воздух... стало поровну
Тепла и влаги дождевой.
Тревожно прокричали вороны,
И тут же разлетелись в стороны
С верхушки ели вековой.

Дни понемногу остывают...
Всё мягче, приглушённой свет...
Цвета обманчивые тают...
Природа хрустко-золотая,
Как фантик дорогих конфет!

ИНТУИЦИЯ

*«Собаки – волшебники Вселенной.
В мире архетипов собачья природа...
олицетворяет инстинктивную душу...
Добирается до уровня, недоступных эго...
Слышит слова и советы, недоступные
слуху эго... И поступает в соответствии
с ними».*

Кларисса Пинкола Эстес

«Бегающая с волками»

Мне в последнее время всё чаще
Снятся странные вещие сны:
Как за мною несутся из чащи
Интуиции гончие псы.

Я бегу... Сердце бьётся так сильно,
На пределе! А вслед – дикий вой!
Жалит ужас невыносимо...
Я теряю последние силы
И молюсь, чтоб остаться живой!

Пусть обид заскорузлые кости
С вождельем и хрустом грызут.
Я им цепи накинута без злости,
Приручу их – пусть рядом бегут!

И сплетаются цепи из стали
С золотыми прожилками дня.
Всё отчётливей я понимаю,
Что сама от себя убегаю,
Но... нельзя убежать от себя...

Скажи, пожалуйста, Архангел Михаил,
В чём на земле моё предназначение?
Я так устала... не хватает сил...
Проблемы жизни, словно вязкий ил
На прочность проверяют и терпение.

Хочу спросить, Архангел Михаил,
Как к людям сохранить доверие?
Не растерять достоинство в пути,
Дорогу никому не перейти,
И не стучаться в запертые двери.

Я ощущаю с Вечностью контакт
И неизбежность смены поколений.
Мечты — мои союзники! А враг... —
Полуосознанный животный страх —
Стоит на страже их неисполнений.

Прошу помочь, Архангел Михаил,
Неуязвимой стать душой и телом.
Бесстрашие и мудрость обрести,
Чтоб ненароком грань не перейти
От самой малости до беспредела!

Мерцает жемчугом сиреневым
Цепочка небольших озёр...
Ни суеты, ни хода времени –
Рай необжитый среди гор!

А дальше взору открывается
В просторную долину вход –
Как откровенье для скитальца,
Спасенье от земных невзгод.

Там облака такие разные,
Взгляд невозможно отвести –
Лиловые, пурпурно – красные
И незаметные почти...

С невероятной осторожностью
Врачует душу красота.
Я, преклоняясь пред художником,
Оцепенела у холста.

НИНА КАЛЕНДАРЕВА

ЛЕТО НА ПРОСПЕКТЕ

Потеплело всё вокруг –
Шире, шире узкий круг.
И лужайки приоделись
Все в зелёные штанишки.
Суетятся весело
Малые детишки.

А вокруг пестрота
Праздничных нарядов.
Уж не цирк ли рядом?!
Не с весёлой ли арены
Убежали кавалеры?

Признак тот от циркачей:
Кто поярче, тот ловчей.
Разоделись, как павлины,
Раздобревшие мужчины.

Цирк ли это? Нет, поверьте –
Просто лето на проспекте!

УТРО НА ТЕРРАССЕ

Бисер мокрый замедленных тучек.
Первый яркий от солнышка лучик.
И дождейки сверкают – алмазы!
Я для них на открытой террасе
Вновь оставлю хрустальные вазы.

Неспроста в них красиво уложены
Кисти крупные красной смородины.
Неспроста дарение лету.
Каждой ягодке рада, букету.
Вот и снова в свой садик я еду.

Изумляет роса самоцветом,
«Бриллианты» рождая при этом.
Любоваться нам ими дано.
И, как будто, мы в сказочной роскоши,
Пьём не чай, а хмельное вино.

О МОЛОДОМ РЫБАКЕ

Тень густую бросает, подрастая лесок.
Остуди мои ноги ты, прибрежный песок.
Остуди мое тело ты, течение реки,
Может, тихо подскажешь: «Были здесь рыбаки?»
— Были, были, уплыли в своей лодке большой,
А один, всех моложе, песни пел всё с душой.
За крутым поворотом раздвоилась река.
Ты под кедром пушистым поджидай рыбака.
И себя ты не мучай, он вернётся сюда:
Его голос певучий, а любовь — навсегда.

НАС ПОКИДАЕТ СНЕГ ВЕСНОЮ

Весною снег, как существо живое,
Понять не может, что же с ним такое?
Красив он был зимой, пушист и бел,
Теперь — болезненно-худой, весь почернел.
Он съёжился от странного недуга,
А успокоила позёмка-вьюга:

«Весна несёт тебе преображение.
Снег! Будешь ты водой. Вода — движение.
Сначала ручейком ты напоишь леса,
В жару, как пар, взойдёшь на небеса.
Захолодеешь — вновь преображение.
Прощай, снежок! До встреч!
До... возвращения!»

РЕЧЕНЬКА

Ты иссохла, реченька.
До дна обнажилась.
Полноводная была,
На тебя дивилась.
Нежно-голубая стать,
Дно руками не достать.
Где же та водица?!
Я — не молодичка.
Солнце в зеркале твоём,
Лики отражались.
В чистой снеговой воде
Берега купались.
Ты иссохла, реченька,
Жаждой истомилась.
Помнишь, я такой была —
По весне влюбилась.

ОЙ, ЗЕЛЕНЫЙ ДОЛ

Ой, ты зелен, зелен дол,
Ветер треплет мой подол,
Обнажая ноги.
Тропка у дороги.
Там в условном месте
Конь неторопливый.
Всадник ждёт меня
Молодой красивый.
В полудённый час
Поспешим на речку,
Поведём коня
Вместе за уздечку.
Друг на друга мы
Налюбujemyся,
Нежно, нежно любя,
Нацелujemyся.
Чтоб любовь была
Не короткий год.
Только вместе так
Сохраним мы род.
А свидетель наш —
Конь неторопливый.
Конь гнедой
С шёлковой гривой.

ОЙ, МАЛИНА! ОЙ, ДИВЧИНА

По малину, по малину
Я зову свою дивчину,
А она не просыпается,
И малина осыпается.
Разбудить хочу я дочку —
Прогуляла с милым ночку.
О, малина! Ой, малина!
И тебе есть половина.
Отвечает мне дивчина:
У любви одна причина.
Мы на зореньке расстались,
Ну, а ягоды остались.
Подожди ещё немножко,
Позовёт дружок в окошко,
А потом придут подружки,
Приготовь ведёрко, кружки.
Повела дивчина оком,
Налилась малина соком
И к землице стелется —
Молодые женятся.
Ой, малина! Ой, малина,
И тебе есть половина.

ВОСТОРГ

Ультрамарин цветочных стрел
Раскрыться вовремя успел.
В цветах волнующая синь,
А раньше здесь росла полынь.

Ультрамариновая синь,
Возьми из сердца тихо вынь
Строку в июльский час ночи.
Так возглас подают грачи,
Когда слетаются весной, —
Хмельное небо надо мной!

Наполнен воздух перезвоном,
Душа и тело чувством новым:
Преумножать свою любовь.
Я восклицаю вновь и вновь:
«Пора прекрасная — цветение!»
Ушло душевное смятение.
Я таю. Наслаждаюсь. Млею.
Под солнцем душу, тело грею.

ЛИЛОВОЕ УТРО

Настежь открыла просторные сени.
С веток цветущей у дома сирени
Тихо спускалось лиловое облако —
Благоухание нежное дорого.

Тишь и прохлада дремучего бора.
Розовый цвет лепестков водосбора.
Утренний воздух так сладостно чист.
Ландыш в траве белоснежно искрист.

Пенка молочная, дымка соцветий,
Запах всё тот же — тысячелетий.

ВСТРЕЧИ НАД РЕКОЮ

Упругий ветер волосы откинул.
Мне б не жалеть о том, что ты меня покинул.
Но я иду на место нашей встречи.
Взаимные мы говорили речи.

Стою, стою... одна на косогоре.
Мне б не жалеть о том — разлад не горе.
Но я грущу о встречах над рекою.
Вернётся ли любовь для нас с тобою?!

Быть может, ты вослед придёшь на кручу,
Разгонишь взмахом рук над речкой тучу.
Взойдут над лёгким мостиком рассветы,
Звон донесётся свадебной кареты.

ЛЮБОВЬ КОРОБКИНА

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Как плод, вынашиваю мысли
Не о любви и не о нём,
А те, что тучами нависли
И беспокоят день за днём.

Как жить в гармонии с собою?
Так высока её цена.
И трудно в дружбе быть с судьбою,
Когда безжалостна она.

Но надо отыскать хоть тропку,
Чтобы к заветному прийти.
Пусть будет лишь попыткой робкой –
Уменье вóвремя уйти

От нелюбимого занятия,
Из плена недругов и ссор,
Не знать неискренних объятий,
Улыбок льстивых приговор.

В МОЁМ ГОРОДЕ БЕЛЫЕ НОЧИ

Пришли долгожданные ночи —
Любимая мною пора,
Когда молодёжь спать не хочет,
Гуляет всю ночь до утра.

И радуют душу рассветы,
И веришь, что есть чудеса.
В Сургуте короткое лето,
Но прелесть в нём есть и краса.

И вместе со мной «новосёлы»
Красе твоей рады, Сургут, —
Лис чёрный, он с рыбкой весёлой
Покой по ночам стерегут.

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

В память врезался мне надолго
День Победы тридцатой весны:
Шли солдаты святого долга,
Воротившиеся с войны.

Серебром седина отливала —
Тут не только в возрасте дело:
Испытать им пришлось немало,
Да и армия их поредела.

В ту лихую годину уносит
На груди орденов их звон,
И казалось, что он доносит
Белорусской Хатыни стон.

Шли в шеренге они попарно —
Гомельчәне слёз не держали
И за мирную жизнь благодарно
Им под ноги цветы бросали.

МЕЛОДИИ ПРИРОДЫ

У природы своя привилегия
Всё окрашивать чудом мелодии:
И рождается в осень — элегия,
А зима — созвучна рапсодии.

У весны — ноктюрна журчание,
С перекатом, слегка бравурное.
Краски лета — романса звучание,
Чуть с загадкой нотки амурные.

Композиторы очень известные
В настоящее время и встарь
Воспевали музыкой, песнями
Весь природный в году календарь.

В ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Какое чувств и дат смешенье
Сегодня было в воскресенье!

Освобождалась от вины,
У многих в жизни есть она.
День первый наступил весны.
И Влада Листьева страна

Который год уж вспоминала,
И я грустила вместе с ней.
Душой и сердцем понимала:
Сегодня было из тех дней,

Когда приходит осмысленье —
Как жить, за что держать ответ,
И важно, если есть уменье
По примененью слова «нет».

ЗВУЧАЛА МУЗЫКА ОРГАНА

Звучанье поднималось ввысь,
Душа куда-то уносилась,
А в мыслях пролетала жизнь,
Которая вот так сложилась.

Печалью музыка лилась,
Церковным воском растекаясь
И вопрошая: «Как жила?
Наверное, грешила, каясь?»

В костёле так орган звучал
«Святого Бруно» в воскресенье
И Бахом душу врачевал,
И вызвал слёзы потрясенья.

НОВОГОДНИЙ АНГЕЛ

Босоногий ангел над крышей
Новогодней ночью летал,
Поднимаясь выше и выше,
Он молитву тихо шептал.

Словно был для всех оберегом,
Защищая, брал под крыло.
Долго-долго смотрела в небо,
Ощущая его тепло.

ВЕСЕННЕЕ БРОЖЕНИЕ

Вокруг весенние приметы
Мы наблюдаем тут и там:
Так солнце частые приветы
Нам посылает по утрам.

Весна хозяйкою вступает
Уверенно в свои права —
Вот изумрудом застилает
Дворы, проклюнувшись, трава.

И одуванчиков веснушки,
Разбросанные по дворам,
Подобны птенчикам несучки.
И веселится детвора

Громкоголосо, с упоением.
Всем по душе приход весны!
И соками её броженья
Охотно все опьянены.

ХОРОШО, ЧТО МАМА ЕСТЬ

Как хорошо, что мама есть!
И хоть не рядышком, не здесь,
Но неразрывна с мамой нить:
К ней можно съездить, позвонить.

Вот только, жаль, далековато,
И ощущаю виноватой,
Что раз в году лишь навещаю.
Хлопочет мама, угощает
Любимым пирогом с капустой.
А уезжать, бывает, грустно.

Потом из трубки телефонной
Вновь слышать голос так знакомый:
«Сижу, вот, стряпаю пельмени,
Пусть не такие, как в Тюмени,
Но приезжай, дочь, накормлю».
А я Всевышнего молю:

«Храни, Господь, её на свете!»
Пока есть мама, все мы — дети.

Пусть будет, что Богу угодно,
А нам, чтоб здоровыми быть.
И чтоб без волнений народных,
Плохое, что было, забыть.

Приходит Змеиный, Крысиный –
Не важно, ещё какой год –
Страна пусть становится сильной,
Уверенность к людям придёт,

Что жизнь будет лучше и краше.
От ариев-предков тотем:
Сей год – год Слона. И пусть нашей
Стране будет меньше проблем.

И мудрость пребудет, и сила,
Как в мощных дубовых стволах.
Пшеница б в полях колосилась,
Достаток чтоб был на столах.

И если каких изменений,
То будут лишь к лучшему пусть,
Чтоб не было тени сомнений –
И впредь процветать будет Русь!

АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВА

ИСПОВЕДЬ

Судьбу за то благодарю,
Что жизнь летела, как стрела.
Что светлую свою зарю
Я встретила, не проспала.

Что родилась среди полей,
Где есть и рожь, и лопухи.
И что под крики журавлей
Писались первые стихи.

Что мне даровано судьбой
О добрых людях не забыть,
С которыми босой ногой
Могла по детству проходить.

Спасибо за моих детей,
Спасибо – внуки хороши!
И малой родине моей,
Где часть живёт моей души.

МОЯ МАМА

Во второй половине ночи
В деревенской кухне хлопочет
Моя мама.

Спать не может с думой о детях,
Что дороже всего на свете,
Моя мама.

Всё видала: войну и застои,
Не познав ни богатств, ни покоя,
Моя мама.

Балалайка в руках запела,
Ей командует ловко, умело
Моя мама.

Ты всю жизнь прожила в мольбе
И о братьях, и обо мне.
Низко кланяюсь я тебе,
Моя мама...

РОССИЯНИНУ

Подорожник, клевер, полынь —
Деревень лечебные травы.
Зелень их да озёрная синь —
Составные российской славы.

Над покосом — песен пора,
По сугробам — полозьев скрип.
Только это было вчера,
Ныне — только душевный крик:

Чем горда ты, Россия моя?
Гордость в прошлом, как сладкий сон.
Заросли бурьяном поля,
А над ними — стаи ворон.

Еле слышен призывный крик,
Велика в нём горечь-полынь.
Стань всемирным, русский язык,
Дрёму с плеч, россиянин, скинь!

ДОЖДЬ

Ты – себе на уме,
Когда хочешь – пришёл.
Замаячил в окне
И с ума меня свёл.

Удивляются все.
Только я, как придёшь,
Повторяю тебе:
Я люблю тебя, дождь!

ТЫ УЕХАЛ

В шкафу висят твои рубашки,
Твои кроссовки у порога.
Да только мне признаться страшно,
Что ты уехал. И надолго.

Что мне желать ещё — не знаю,
Мы пара — с ниткою иголка.
Тоска кричит, напоминая,
Что ты уехал. И надолго!

Любовь и дети — счастья столько!
Всё так сложилось, как хотели.
Совсем не страшно, что надолго
Уехал ты.

На две недели!

Я ЛЮБЛЮ ТВОИ РУКИ

Сколько славных мужчин вокруг!
Их улыбки влюблённые кружат.
Сколько милых, заботливых рук,
Только нет тех добрей, чем у мужа.

Режут хлеб, застилают постель
И мои укрывают плечи.
В них любви моей страстный хмель,
И о них мои тихие речи.

В нашем доме тепло и уют,
И взамен ничего мне не нужно,
Потому что там руки живут
И отца, и любимого мужа.

СОЛНЕЧНЫЙ ЦВЕТОК

Снег танцевал ещё вчера,
Тепла не обещая.
Весна – чудесная пора,
Когда начало мая!

А нынче, глядь, пробиться смог
Сквозь рёбрышки калитки
Мать-мачехи малыш-цветок,
Рождённый для улыбки.

Кусочек солнышка малыш
Несёт, счастливый, людям.
И если это разглядишь,
И сам счастливым будешь.

ЦАРСТВО СИБИРСКОЕ

Сосны счастливы – шубы богатые,
Ветки под снегом надёжно упрятаны.
Редкое солнце в ветвях преломляется,
Завтра декабрь и зима начинается.

Заячий след на тропинке нехоженой,
Сосны на страж-великанов похожие.
Спящее царство в зимнем покое,
Царство сибирское, царство родное!

ПОДРУГЕ

Вошла в мой дом, заботлива, скромна
И, как сестра, по-доброму ворчлива.
Душа бездонна — целая страна —
И в бескорыстьи солнечно-красива.

Люблю, молюсь, хочу тебе добра,
Чтоб благодать была с тобою божья.
И пусть наступит светлая пора,
Чтоб не было по жизни бездорожья.

Мы из простых, крестьянской мы семьи,
И так же просто в городской квартире.
Но скоротечны доброй встречи дни —
Уходит поезд. Холодно, Мария.

ПАМЯТЬ...

Крыши треугольничком
Шифером увенчаны.
Занавески в кухоньках
Светятся, застенчивы.

А гусыня-матушка
Во дворе царицею.
Уточки-красавицы
Плещутся водицею.

Вечером коровушки
Станут пред воротами.
Рёв кормилиц слышится
По-над огородами.

Памятной картиною
Всё перед глазами
Ясно и отчётливо,
Как в настенной раме.

НАДЕЖДА ЛИШМАНОВА

ВЕСНА

Весна. Природа оживает.
Звенит ручьями талый снег,
Но половодье не пугает,
Его не бойся, человек.

Темнеет снег, на солнце тая,
И землю лижет ветерок.
Весна, как девушка босая,
Спешит в забытый уголок.

Туман обнял овраг холодный,
Там поселилась тишина.
И только волк злой и голодный –
Его не радует весна.

ВРЕМЯ ПОГОВОРИТЬ

Ах, как хочется, родная,
Мне с тобой поговорить.
Ты не думай, я-то знаю:
Тяжело в разлуке жить.

Раньше я не замечала
Тонкой ниточки с тобой,
Оттолкнувшись от причала,
Не заметила прибор.

Подхватила жизнь шальная,
Затянув в водоворот.
Годы весело листая,
Закружился хоровод.

Помоталась по баракам,
Всё познала: радость, боль,
То по чувствам, то по знакам,
Реже — сахар, чаще — соль.

Есть теперь родные метры,
И стены четыре есть.
До тебя лишь километры.
Ой, как трудно всё учесть.

СОН

Мамочка, любимая, родная,
Я сегодня видела во сне –
Ты стоишь, как прежде, молодая,
Улыбаясь, тянешься ко мне.

Ну, а я на площади перрона
Уезжаю вновь, машу рукой,
Но не вижу своего вагона
И вокзал, как будто бы, чужой.

Почему-то рядом плачут люди.
Я ловлю твой взгляд издалека
И кричу: А, что же с нами будет?
Но в ответ – безумный свист гудка.

Как в тумане исчезают лица,
Не могу их вспомнить имена.
Дым то исчезает, то клубится,
У подножки я стою одна.

Просыпаюсь – слёзы на подушке,
Боль невыносимая в груди.
Знаю я беду не понаслышке,
К нам стучать не надо, уходи.

ИДЁТ КИНО

Идёт кино, а там — война,
Куда не глянь, кругом она.
Воюют милые девчонки,
Косички, серые глазёнки.

Их немцы ведьмами зовут
И по ночам с опаской ждут.
Не зря боятся: пусть дрожат —
Девчонки снова к ним летят.

Разбить фашизм и растереть,
Чтоб неповадно было впредь
Топтать поля и бить народ.
Пусть знает враг, так не пойдёт!

Идёт война, ей нет конца...
Теряют люди мать, отца...
Дым от сожжённых деревень...
Но близится Победы день!

ХОЛМ ПАМЯТИ

На высоком холме,
У слияния рек,
Каждый год там стоял
С батожком человек.
Вспоминал жаркий бой
За кусочек земли,
А по бледным щекам
Тихо слёзы текли.
Тихо слёзы текли
На погоны и грудь,
Да в сухую траву
Через сердце стекали.
С жуткой болью в душе –
Невозможно вздохнуть –
За парней молодых,
Тех, что насмерть стояли.
На высоком холме
У слияния рек
Уж давно не стоит
С батожком человек.
В память тех страшных дней
Только маки цветут.
И в тебе, и во мне
Кровью павших живут.

ЛИВЕНЬ В ГОРОДЕ

Над землёй раскаты грома,
Мелкий дождик моросит.
Торопитесь, кто не дома, —
Туча грозная ворчит.
Разбегайтесь по квартирам,
Кто не спрятался, дрожи.
Мои молнии — рапиры
Уже празднуют во ржи.
Навалился ветер шквальный,
В лужах пляшут пузыри,
Звон стоит почти хрустальный
На просторах всей земли.
Вот и грянул ливень с градом
По проспектам, площадям,
Он командует парадом,
Отдаёт приказ войскам.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Холодного солнца лучи заглянули
В заброшенный дом, без дверей и окón.
Не уж-то в нём люди когда-то здесь жили?
И полон был смеха и гомона он.

Сверчки притаились под пологом печки,
Сплели паутинки в углах паучки.
На блюдечке — воск и огарочек свечки,
Висят над окном травяные пучки.

Покинутый дом в ожидании чуда,
Давно не скрипит на ступеньках доска.
И только перо из подушек повсюду.
За сломанной дверью — следы из песка.

Кричу: «Есть кто дома?» — В ответ тишина.
В заброшенном доме никто не ответит.
А я здесь зачем? Почему я одна?
Ведь знала: никто меня здесь не приветит.

ОБМАН

Обманула весна, поманила
И исчезла в тумане густом.
Белым саваном мир застелило,
Необычным всё стало кругом.

Хрусталём тонким стянуты лужи,
На крыльце гроздь сосулечек опять —
Отголоски зимы, лютой стужи.
Вновь красуется, что с неё взять.

Не успела погода- пророчица
Наверстать до тепла календарь.
Видно, ей расставаться не хочется,
Может, вспомнила, как было встарь.

Через щёлочку дверную
Ко мне лучик проскользнул,
Пробежался по подушке
И в глаза мне заглянул.
Я, прикрыв лицо ладошкой,
Удержать его хочу:
«Ну, побудь ещё немножко», —
Тихо лучику шепчу.

МОРОЗНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Расписаны стёкла в ночной тишине —
Я ими люблюсь, всё нравится мне!
Вот роща, вот домик и дым из трубы,
Есть даже крылечко, резные столбы.

Без кисти и красок рисует тайком
Поля золотые, леса серебром,
Колосья пшеницы, шиповник в цвету,
А вот и кораблик в уснувшем порту.

Уходит от берега крыльев волна,
Неведомых звуков и песен полна.
Снежинка к снежинке — узоры кругом.
Спасибо, мороз, ты украсил мой дом!

АЛЕКСАНДР ЛЮБЯКИН

Осень. Подкралась прозрачность небес,
Птицы стремятся на юг.
В злато-багрянец окрасился лес.
Где ты, единственный друг?

Скоро зима припорошит виски,
Холодом сердце скуёт.
Ты не придёшь. От безмерной тоски
Боль в мою душу войдет.

Поздно, но все-таки хочется мне
Нотой высокой взлететь.
Песню любви, зазвучавшей во мне,
В час свой осенний пропеть.

Я пришёл, сделай ты ко мне шаг.
Я люблю тебя, слышишь, кричу!
А она улыбнулась, шагнула во мрак,
Словно кто-то задул свечу.

Прилетай скорей ветер от южных морей,
Ледяное ей сердце согрей.
И случится вдруг чудо, и станет моей
До конца своих жизненных дней.

И прошло много чёрных и тягостных лет.
Сколько бед пережил — молчу.
Ты пришла, и в душе вспыхнул трепетный свет,
Словно кто-то зажёл свечу.

ЗАПЛУТАВШЕЕ СЧАСТЬЕ

Прошел я пороги, откосы
И больше уже не пою.
Согреют ли русые косы
Остывшую душу мою?

Я стал одинок в одночасье,
Милее лишь лица друзей.
Ты где, заплутавшее счастье?
Не медли, приди поскорей!

Пока в жилах кровь колобродит,
Тебя буду ждать я хоть век.
И горечь с годами проходит,
Надеждой лишь жив человек.

Чуть вечер шевелит верхушки сосен,
И я бреду сейчас, не ведая куда.
Любимый друг меня навеки бросил —
В мой дом нечаянно нагрянула беда.

И пережив судьбы удар коварный,
Я тверже стали стал, сильнее во сто крат.
Мой стих взлетел, весомый, многогранный,
Не надо жалости, мой верный друг и брат.

Мы волю Господа переломить не в силе,
Всё в книге судеб перемешано не так,
Как думали тогда, любили и грустили.
Для воли Господа мечты наши — пустяк.

Расстаемся мы с тобою,
Ты уходишь в снегопад
Этой снежною зимою —
И никто не виноват.

Ты придешь сюда, я знаю,
Обязательно придёшь.
Но меня ты в этом мире,
Может, больше не найдёшь.

Я люблю тебя, родная,
И не надо лишних слов.
Может, встретимся с тобою
Мы в созвездьи Гончих псов.

ВЕРЮ

Ночь-цыганка накинула шаль
На деревья, асфальт и дома.
Мне сегодня по-прежнему жаль,
Что ко мне ты опять не пришла.

Где ты, милая, бродишь сейчас
В этом городе серых домов?
Может быть, в этот призрачный час
От меня ждёшь ты ласковых слов.

Почему же обходишь мой дом,
Где тебя всегда видеть я рад?
И встает у меня в горле ком,
Слез обиженных катится град.

Верю я, что ко мне ты придёшь,
Отогреешь застывшую кровь.
И со мной встречу новую ждёшь —
Не ржавеет былая любовь.

Я, поймав взгляд любимый Ваш, вздрогнул.
Вместо слов, бередящих до слёз,
Как мальчишка, легонечко дёрнул
Прядь пшеничных Ваших волос.

Вы сказали: «Спасибо!». Смутился.
Сердце дрогнуло горячо.
Словно ангел любви опустился
На округлое Ваше плечо.

Извините, что я не свободен.
Да, и Вы не свободны сейчас.
Я не молод, но всё ещё годен
Славить свет Ваших искренних глаз.

ПОДВОДИТ ОСЕНЬ ЖИЗНЕННЫЙ ИТОГ

Сургут укутался в туман.
Сошлись тепло и холод ранним утром.
Дома, мираж, сплошной обман,
Златая осень бродит над Сургутом.

Промчались лета звонкие деньки.
Березонька под ветром крону клонит.
И в школах на урок зовут звонки,
А в церкви ближней кóлокол трезвонит.

Подводит осень жизненный итог.
Давно уж разменял седьмой десяток.
Как прóжил жизнь, рассудит позже Бог.
И я молю, чтоб приговор был мягок.

Грехов за жизнь я накопил — не счесть.
Одно лишь греет душеньку поэта —
Что сохранил свою мужскую честь,
Душа чиста, и люди знают это.

ВЕСНА ЗАБЛУДИЛАСЬ

Весна заблудилась в сибирской тайге.
В Сургуте мороз колобродит.
И ветер-разбойник, спускаясь с небес,
Как хищник, по улицам бродит.

До чертиков нам надоела зима,
Мы молим тепла у природы:
Приди поскорее, родная весна,
Пусть Обь распахнёт свои воды!

Люблю наблюдать ледохода парад,
Где льдины, столкнувшись друг с другом,
Одеты из льдинок в блестящий наряд,
Как в танце, расходятся кругом.

И верится, что отступает зима.
Мы смотрим с восторгом на это.
В природе всегда побеждает весна,
Даря нам надежду на лето.

Я, кажется, в тебя влюблен —
Ты так тонка́.
Мы в поле, где колышет лён —
В руке — рука.

Восход мы встретили с тобой —
Примятый лён.
И понял я: проигран бой —
Я так влюблен!

Казалось, счастью нет конца —
Всегда с тобой.
И вдруг исчезла, не пришла
Ночной порой.

Ну, вот и кончился сюжет —
Конец строки́.
У телефона тебя нет.
Гудки, гудки...

СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ

СИЛЬВА

Самым тяжёлым временем суток для пожилого человека является ночь. День проходит незаметно, в потоке привычных, по-настоящему дел. Да и что нужно старому человеку: проснуться, слава Богу, живым, способным самостоятельно передвигаться, встать, умыться, попить чай и сходить в магазин, аптеку. Потом посидеть, поговорить на улице с такими же старушками, пообедать, приготовить поесть из недорогих продуктов – ведь на маленькую пенсию не до разносолов, взять спицы, повязать кофту, посмотреть любимый телесериал, лечь спать.

Ночью долго не спится. Лежишь и ждёшь благодатного сна, чтобы тело, измученное болезнями, уставшее за день, могло отдохнуть, вместо этого в голову бестолковой кучей лезут мысли и воспоминания. Глаза закрыты и вроде бы заснула, но нет, только впала на минутку в беспмятство, опять очнулась, и снова мысли, мысли, мысли. И так до того времени, когда за окном начнёт медленно светать, чёрный цвет ночи изменится на серый, предрассветный, а потом солнце первыми лучами озарит новый день. Тишина вокруг, изредка залает за окном бродячая собака, заедет во двор автомобиль или раздастся голос шальноного человека, неизвестно зачем бродящего по улицам. Часто вспоминаешь прошедшую жизнь, всё, что было в ней и хорошего, и плохого.

Сразу после войны Мария Степановна вышла замуж за лихого артиллериста старшего лейтенанта Николая Дорошенко. Время тогда было тяжёлое и голодное, да и служба военного человека – постоянные переезды с одного места на другое. Пришлось помотаться по гарнизонам, жили то в казармах, то в общежитиях, снимали чужие углы. Поэтому и родила поздно, когда жизнь более-менее наладилась. Радовалась она сыну, но, когда Володеньке было двенадцать лет, он утонул в реке. Рабо-

тала учительницей русского языка и литературы, всю свою любовь к детям отдала ученикам. Её все любили и уважали: коллеги, родители, ученики.

Пролетели годы, они состарились. Десять лет назад муж заболел и умер. Осталась Мария Степановна одна доживать свои годы в маленькой однокомнатной квартире. Денег не накопили, мебель была самой простой, одевалась скромно. Единственным богатством для неё были книги, которые собирала всю жизнь. Привыкшая за годы работы в школе быть среди людей, она с трудом переносила одиночество.

Всё изменилось в конце марта, когда зима может ещё огрызнуться наступающей весне, ударить морозом, завьюжить, но всё равно отступает под натиском тепла. Мария Степановна зашла в магазин, купила небольшую пачку печенья к чаю. На выходе из магазина увидела сидящую на грязном асфальте среди мусора и окурков маленькую пепельного цвета болонку, беспомощно оглядывающуюся по сторонам. Болонка села на задние лапы и посмотрела в глаза Марии Степановне. Это был взгляд полный отчаяния, мольбы и надежды. Она достала из сумки одно печенье и подала собаке. Та понюхала угощение и медленно стала есть. Мария Степановна повернулась, пошла домой. Болонка забежала вперёд, села на задние лапы и опять посмотрела ей в глаза. Всем своим видом собачка хотела сказать, что благодарна за угощение, но ожидает от неё нечто большее.

«Ну, что же, пойдём со мной», – сказала Мария Степановна.

Они пошли вместе, поднялись в квартиру. Болонка вошла первой, обнюхала все углы в комнате и на кухне, подошла к хозяйке, весело завиляла хвостом. Так они и стали жить вместе.

Она назвала собачку Сильвой, по имени героини одноимённой оперетты, это имя ей очень нравилось. Сильва была самым любящим и преданным существом. Когда Мария Степановна сидела с такими же старушками на лавочке и беседовала с ними, собачка мирно дремала у их ног. Но стоило только кому-нибудь незнакомому подойти к хозяйке, болонка становилась между

ними, внимательно следила за разговором, готовая в любой момент вцепиться в ногу собеседнику в случае опасности.

Не боялась она и огромного сенбернара из соседнего дома, однажды пришедшего в их двор. Сильва прикрыла собой свою хозяйку и, когда пёс наклонился над ней, она оскалила свои зубы, негромко зарычала. Сенбернар удивлённо посмотрел на неё, повернулся и ушёл с гордо поднятой головой, мол, буду ещё я связываться с такой мелюзгой.

Иногда Мария Степановна уходила по своим делам без неё. Сильва ожидала хозяйку, лёжа на своём любимом коврикe, и скучала. Услышав шум открывающейся двери, неслась в коридор, скуля от радости.

Всё было хорошо, вот только Мария Степановна заметила изменения в поведении Сильвы. Она стала какой-то вялой, плохо ела, с трудом вставала со своего места, тяжело и часто дышала.

Этой ночью Мария Степановна долго боролась с бессонницей, наконец, немного задремала. Проснулась от жалобного повизгивания. Встала, включила свет. Сильва лежала на своём месте и дрожала. «Иди ко мне», — позвала она собачку, но та только подняла голову, встать не смогла. Мария Степановна стала на колени, погладила её. Наклонилась ниже, увидела катящиеся из глаз болонки слёзы. «Сильвочка, Сильвочка, что с тобой, ты заболела? — её голос задрожал, и у самой потекли слёзы, — сейчас я тебе помогу». Она хотела дать Сильве лекарство, но какое, не знала. «Потерпи немножко, милая, скоро наступит утро, съездим в ветлечебницу, и тебе там помогут», — постаралась успокоить собачку, соображая, у кого можно занять денег для посещения ветеринара.

Болонка дёрнулась и затихла. Поняв, что та умерла, Мария Степановна зарыдала. Рыдала так, будто умер близкий и дорогой ей человек.

Что теперь делать? Просто выбросить Сильву на свалку рука не поднималась. Мария Степановна зашла в кладовку, достала большую коробку из-под зимних сапог, в которой хранила нит-

ки, иголки, пуговицы и прочую мелочь. Высыпала содержимое в пакет, отрезала большой кусок синей тесёмки.

Не спалось эту ночь и Петровичу. Он просыпался несколько раз, мучимый жаждой, голова болела, и его тошнило.

Утром кто-то позвонил в дверь. «Ну, кого там ещё принесло с утра пораньше», — подумал Петрович, с трудом открывая глаза. Немного привстав, осмотрел живописную картину на столе, оставшуюся после вчерашней пьянки: грязные тарелки, одна, разбитая, валялась на полу, опрокинутые рюмки, окурки, торчащие из банки с двумя недоеденными шпротами. Вчера была пятница, они с мужиками решили отметить окончание рабочей недели. Вопрос о том, где пить, не стоял: он был единственным, у кого жена с детьми уехала в отпуск, все дружной компанией отправились к нему на квартиру. Посидели хорошо, даже очень хорошо, заснул одетым и плохо помнил, когда все ушли. От того Петрович и маялся с похмелья.

«Так плохо, даже встать не хочется. Ёлки-палки», — мелькнула мысль, от которой он даже немного протрезвел, — «жена вернулась. Обещала в понедельник, а приехала сегодня». Петрович побаивался своей жены. Все удивлялись их семейному союзу: супруга — маленькая хрупкая женщина, он — почти двухметровый грузный мужчина. Напоминала она ему маменьку, такую же маленькую женщину, нещадно поровшую Мишеньку за все детские шалости. Так и жена его, Таисия, когда он упивался до изумления, колотила по нему чем попало под руку. Михаил терпел и только нечленораздельно мычал в ответ. Дети их, две девочки-близняшки двенадцати лет, во время разборок с мужем всегда присутствовали. Делала это Таисия с воспитательной целью, мол, учитесь девочки, как надо с этими мужиками обращаться. Казалось бы, здоровый мужик, одним пальцем мог согнуть её в дугу, но даже мысли такой не возникало. Но вот не дай бог кому-нибудь обидеть его женушку, порвать мог, как Тузик грелку.

Михаил поплёлся открывать дверь. К его удивлению на пороге стояла соседка Мария Степановна. Тут он вспомнил, что

жена звонить не стала бы, у неё свои ключи, и на душе стало легче.

Он хорошо знал Марию Степановну: она учила его младшего брата, часто видел, как гуляла по двору со своей собакой, сидела возле подъезда с такими же старушками.

В руках у неё была большая картонная коробка, перевязанная синей тесьмой. Мария Степановна немного замялась, не зная с чего начать разговор: «Миша, я знаю, у тебя есть ключ от подвала. А у меня беда, Сильвочка моя умерла. Ты похорони её в подвале. Я тебе за это...», — она засуетилась, достала из кармана платья пятьдесят рублей, положила сверху на коробку, протянула её Петровичу, — «это за работу».

Он не хотел брать деньги, но очередной приступ головной боли отменил этот благородный порыв, да к тому же денег дома почти не было, а организм требовал опохмелку.

— Не волнуйся, Степановна, всё сделаю, — он осторожно взял коробку, так чтобы деньги не упали.

— Спасибо тебе, Миша, — она повернулась, пошла к себе.

Он закрыл дверь, тупо посмотрел на деньги и предался философским рассуждениям: «Да, вот так живёшь и не знаешь, с какого боку счастье привалит». Потом пошёл в ванну, открыл кран, начал пить воду, губами ловя тугую струю. Умылся, долго держа холодные от воды ладони на лбу. Вернулся обратно в комнату, уныло оглядел стол: «Нет, сначала закопаю собаку, опохмелюсь, только после этого наведу порядок. Тут главное не переборщить, пару бутылок пива для поправки здоровья и — баста».

Медленно стал одеваться, замирая при каждом всплеске головной боли. Пятьдесят рублей засунул в карман, добавил мелочь, найденную в куртке, взял коробку, вышел во двор.

На улице падал крупный пушистый снег. Снежинки кружились, быстро покрывая землю. Воздух был свежий с небольшим приятным морозцем. В такие дни дышится легко и свободно. Михаил сделал несколько глубоких вдохов. Но облегчение не приходило. Особенно плохо было, когда он поворачивал го-

лову. Казалось, что она поворачивается, мозг отстаёт от неё, затем догоняет, ударяется изнутри о стенки черепа и отскакивает обратно. Очень больно и неприятно.

– Здорóво, Михайло! – услышал бодрый голос соседа Николая. Он стоял, улыбаясь, смотрел на Михаила, что-то пряча под полушубком, – никак вышел подышать свежим воздухом? – Да перепил я вчера, голова раскалывается.

– Так у меня лекарство есть, – сосед распахнул полушубок, показал трёхлитровую банку с пивом, – пойдём ко мне, подлечу.

Пиво плескалось, манило к себе, как далёкий экзотический океан, обещающий лёгкую беззаботную жизнь. Желание избавиться от головной боли, слабости, тошноты сейчас же оказалось сильнее обещания, данного Марии Степановне.

– А что это у тебя в руках? – поинтересовался Николай.

– Да так, мусор всякий, – ответил Петрович.

Признаться, что в коробкедохлая собака, ему было неловко. Размахнулся и бросил свою ношу в снег, подальше от крыльца. «Потом закопаю», – решил он.

Просидел за разговорами у соседа долго, до самого вечера. Возвращаясь к себе, вспомнил о просьбе соседки, вышел из подъезда. Было уже темно, снег продолжал идти, завалил то место, куда он кинул коробку, и он решил возобновить поиски утром.

Однако и утром найти не получилось. Проснувшись, первым делом начал наводить порядок в квартире, пока провозился, наступил вечер. Поднявшаяся днём метель намела большие сугробы. Сколько Петрович не пытался отыскать коробку, так и не смог из-за глубокого снега.

«Ладно, весной всё оттаает, тогда всё и сделаю», – он надеялся, что обнаружит собаку раньше, чем её увидит Мария Степановна.

Весна нагрянула неожиданно. Подули тёплые ветра, снег, выпавший за зимние месяцы, стал быстро таять. Мария Степа-

новна плохо переносила резкое изменение погоды. Лекарство закончилось, нужно было идти в аптеку.

Проходя мимо детской площадки, заметила нескольких мальчишек, играющих в футбол квадратным серым предметом. Очертания его показались Марии Степановне знакомыми. Она остановилась, достала очки, внимательно присмотрелась, узнала ту коробку, в которую положила Сильву.

«Да это же Сильвочка», — только и смогла произнести. И в тот же миг грудь разорвала сильная колющая боль. С трудом дошла до ближайшей скамейки, села. А мальчишки продолжали и продолжали играть. Хотела крикнуть, чтобы прекратили, но боль острой иглой всё глубже проникала в сердце, лишая возможности вымолвить хоть слово, не давая вдохнуть воздуха.

Молодой человек, проходя мимо, заметил, что ей плохо, подошёл к ней, тронул за плечо: «Женщина, что с вами?». Его слова звучали отдалённым эхом, свет начал меркнуть, превращаясь в маленькую яркую точку. «Сириус — ярчайшая звезда ночного неба», — вспомнилась в угасающем сознании строчка из книги по астрономии.

Кто-то вызвал скорую помощь, медики приехали быстро, но всё равно слишком поздно.

Через некоторое время в квартиру Марии Степановны вселилась молодая супружеская пара. Своей мебели они ещё не купили и раскладывали вещи по шкафам, оставшимся от прежних хозяев. Нашли старый фотоальбом, из любопытства стали его рассматривать.

На первой странице лежал снимок женщины средних лет, с причёской и в платье, бывшем модным в тридцатых годах двадцатого века. Рядом с ней стояла девочка лет десяти, с удивлением смотревшая в объектив фотоаппарата. На другой фотографии была группа молодых девушек, отдыхающих на природе, в смешных по современным понятиям купальниках.

Женщине понравилось изображение красивого бравого военного с орденами и медалями на груди и погонами старшего лейтенанта. Вероятно, мужчина, проживавший в этой квартире,

был военным, его жена работала учительницей. Было много ещё фотоснимков людей в военной форме и учителей с учениками.

На последней странице лежало цветное фото пожилой женщины с маленькой серой болонкой.

– И куда всё это девать? – спросил супруг.

– Положи в пакет, пойду выносить мусор, выброшу, – ответила жена.

ВЯЧЕСЛАВ САЗАНОВИЧ

Огибающая тень высоты,
Встречалась осень с солнцем.
Выходи скорее, красота,
Вместе солнцу улыбнемся!

Выходи, хочу по парку
Я с тобой прогуляться,
Парком с медным листопадом
Будем долго любоваться.

Там не только лист колышет
Стройность веток ярко-рыжих,
Там ещё с тобой услышим
Шорох падающих шишек.

А потом внезапный вечер
Подойдёт и алым пледом
Принакроет наши плечи,
Будет жарко, словно летом!

Ну, а нынче день смеётся,
Облаков гоняя щётки.
Выходи на встречу с солнцем
Поскорей, моя красота!

СМЫЧОК И СКРИПКА

В пляске со звуком прозрачным и зыбким
Свечкой в тени рисовался узор.
Тонкий смычок с лакированной скрипкой
Страстный вели меж собой разговор.

Музыка струн проникала в сознание
Тихим приливом, соленой волной.
Воздух взлетал над свечным колебанием,
Ночь забывала про лунный покой.

Скрипка смычку о надеждах твердила,
Он, соглашаясь, её целовал.
Им было сладко, им было мило,
Каждый из них от восторга дрожал...

Старый скрипач скоро звуки упрячет
В мрачный футляр и исчезнет в ночи...
А на столе, от тоски – не иначе,
Сгорбится в чаше огарок свечи.

ВЫСОТА

Надоела эта высота,
Руки с ней устали разбираться.
Страшно не хватает мне хвоста —
С ним-то проще к выступам цепляться.

Выше быть завистливых врагов
Возжелало преданное сердце.
Где бы раздобыть еще рогов,
Чтобы в стену крепче упереться.

Жалко, что из жизней я одну
Вытянул в небесной лотерее —
Если вдруг смертельно упаду,
То подняться больше не сумею.

А вершина, ой как далека!
Я ползу, почти что обессилен.
Скинули бы, что ли, облака
Для поддержки парочку мне крыльев.

ДИАЛОГ

- Здравствуй!
- Здравствуй, друг мой мил.
 Как ты жил, не вспоминая
 Обо мне?
- К тебе спешил
 Дни и ночи, дорогая!
- Среди путей, среди дорог
 Ты забыл меня... наверно?
- Что ты! Что ты! Как я мог!
 Изгони из сердца скверну!
- Почему же ни письма
 И ни строчки от...
- Родная!
 Без тебя мне жизнь – тюрьма,
 Без тебя во тьме я таю!
 Сквозь туман, палящий зной,
 Сквозь простор, укрытый мглою,
 Я спешил к тебе одной,
 Чтобы быть с одной тобою.
- Нет! Не трогай! Отойди!..
 Нет!.. Постой... не уходи же!..
 Прикоснись к моей груди,
 Опускайся ниже, ниже...
 Ляг со мной и обними,
 Обними крепче, ну же!
 Друг, мой милый, ты пойми,
 Что и мне ты очень нужен...

Дрожь позёмкою прошла.
 Тополей пронзая косы,
Над землей метель несла
 Долгожданные морозы...

ПРОЩАНИЕ

С косыми стружками дождя
Сдружился я на остановке.
Он пригибал к земле, шутя,
Травы́ насупленные бровки.

Был слышен где-то вдалеке
Крик чайки, ветром недовольной.
А я автобус «налегке»
Ждал, опьяненный жизнью вольной.

Нет багажа с собой. И пусть.
Зато какие ароматы
Несёт назойливая грусть
Из тучи дымчато-лохматой!

Автобус скоро увезёт
Меня, отбросив прочь сомненья...
А дождь прощальный льёт и льёт,
В траву вживляя ожерелья.

МОРОЗНАЯ БЕССОННИЦА

Тяжелá сегодня на подъем луна.
В синеве морозной грузная она
Выползла на крышу, придавив чуток
Животом огромным шифера кусок.

Холодает так, что воздух загустел,
Убелив березкам ветки между дел.
Ночь ползет, и стынет молча тишина.
Вверх ушла сквозь иней с шифера луна.

И её далекий неспешащий ком
Смотрит сквозь окошко на меня блином.
Ну, и как смогу я под её теплом
Позабиться долгим безмятежным сном?

Ты вроде бы по-прежнему со мной,
Прощальных взглядов боль меня не била,
Но и давно их греющая сила
Не обжигала сладостной весной.

Ты вроде бы по-прежнему верна,
Но почему, отсеяв из эфира
Привычный шум обыденного мира,
Со мною остается тишина?

И вроде бы по-прежнему прийти
К тебе могу, мгновения отмерив.
Но почему теперь ты держишь двери
Передо мною вечно взаперти?

Ну, что же... Значит, мне пора к другой,
С которой буду прочно дни и ночи.
А ты считай, ну, если вдруг захочешь,
Что вроде бы по-прежнему я твой.

ЧАРОДЕЙКА

Так случилось, что я тайну разгадал,
Раскусил секрет ресничных опахал.
В их бездонной, опьяняющей тени
Прячешь звёзды ты в обыденные дни.

Ну, а вечером свершаешь колдовство,
Только солнышко уляжется — и вот
Ты улыбкой из сверкающих очей
Выпускаешь в ночь созвездия огней.

Жар плечей твоих они в себе хранят,
О любви к тебе безумной говорят,
И горят они, горят, горят, горят...
Боже, как же чародействует твой взгляд!

Утро вспыхнет, и созвездья снова вниз
Устремятся в опахания ресниц.
Вместе с ними я хочу в глаза упасть,
Утопиться, раствориться и пропасть.

ПЛЮСЫ

Под вечер хромой и стареющий леший
Курил предзакатный вишневый кальян.
Клубами по полю затопал неспешно
Седой и всклокоченный ватный туман.

Был хвост у тумана пропитан парами
Цветочной настойки из сочной росы.
Он пышным хвостом заметал под ногами
Дорогу – с ухмылкой хитрящей лисы.

Кикимора где-то надменно хохочет,
И слышится шорох бродяги-ручья,
А над головой тень во тьму среди ночи
Бросает крыло скоростного сыча.

Я плюну на всё и улягусь на землю,
Укроюсь высокой, промокшей травой,
И шагом хромым пусть стареющий леший
Царапает слух подозрительный мой.

Да, я заблудился в туманности русой,
Случайных несчастий идет череда –
Но надо повсюду выискивать плюсы.
Желательно, чаще. А лучше – всегда.

НАИРА СИМОНЯН

ЭЛЕГИЯ НА НОЧНЫХ АККОРДАХ СЕВАНА

1.

Как янтарём налитая волна,
качается высокая луна...
Желаньями греша и наяву,
и этот новый грех переживу.

Посверкивая, точно в зеркалах,
луны ликует пламя на телах,
всё прежнее отбрасывает прочь
кипящая дыханиями ночь.

Былых любовей тусклые огни
не возродятся в будущие дни,
но заново из пены восстаю,
когда глубинам душу отдаю.

Ты – мой. А я – попробуй разбери.
Игрушка Бога? Чёрта содержанка?
Любовь моя – полынная обманка,
что сердце обжигает изнутри.

2.

Вобрав легенды старые дотла,
над нами небо звёздное летело.
Смеялся бес: «Зачем тебе крыла,
когда ладони обжигают тело?»

Дух первородный заново парил
ещё не различаемую тенью

и музыку чудесную творил
из нашего с тобой грехопаденья...

В легендах не отыщется концов
любви и смерти, правды и обмана
о том, куда доверчивых пловцов
влекут сирены моего Севана.

Но бес шептал: «Зачем тебе крыла?»
Горячей коже плоть была покорна,
и музыка любовная плыла
волною нот озёрного аккорда.

3.

В порывах плоти ходом бытия,
взлетая ввысь и опадая снова,
душа не насыщается моя,
кипящее расплёскивая слово.

Всё напоказ, наружу, что во мне:
бесовское — и ласковое, к Богу...
В дорогу вышел — так держи дорогу,
раскачиваясь, точно на волне.

Везде — не дома, сирота, извне,
а жизнь дурманной дрёмой притворилась...
Но чтоб она совсем не испарилась —
отдай живые семена весне.

Любви не умиляясь никогда,
смерть никого на свете не минует.
Когда падёт угасшая звезда —
её метеоритом именуют.

Элегия — к финалу не спеши...
Но, даже зная: всё живое тщетно,
порывистой мелодией души
я выйду на последнее крещендо.

(перевод с армянского Андрея Расторгуева)

Тех, что помнят наши глаза,
Как иконы печали,
Тех, что в объятиях тишины
Утихали, как моря глубины,
Тех, что преодолев роковую черту,
Летят в бесконечность Вселенной, —
Я улыбки увидела их
В прорези дымохода старого дома.
Где вы, бандуристы!..

(перевод с армянского Татьяны Юргенсон)

Теперь я каждый день благословляю,
Пусть в нём есть ревность, желчь и месть,
И боль с улыбкой, милый, принимаю,
Хоть слёз пролитых в прошлом мне не счесть.

И жизнь мою не расчленишь до срока —
Все краски дня растворены в крови.
Как Бог — я вновь бескрайне одинока,
Как человек — я подданный любви.

Несёт в края неизвестные поезда
Тебя, украв у моих лучших дней.
Судьба, о нас ничуть не беспокоясь,
Связала крепко, не поспорить с ней.

Лишь свет реален в нас, хоть и далёко,
Во лжи лишь правда — видно издали.
Как Бог — я вновь бескрайне одинока,
Как человек — я подданный любви.

(перевод с армянского Татьяны Юргенсон)

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Отшумели дожди и слова,
хляби топких небес опустели.
Но ещё расцветает листва
на осеннем беспомощном теле.

С мокрой улицы наши следы
выметаются без похоронки...
Сколько пролито мною воды
на пожизненной односторонке!

Леденеющих рук не разнять,
поцелуй обращается в сушу.
Всем на свете готова раздать
невесомую чистую душу.

Сетку вен голубую — прошу.
Колыхание пламени — нате...
И, вцепясь неотрывно, вишу
на опущенном свыше канате.

(перевод с армянского Андрея Расторгуева)

Как будто птицы стали безголосыми,
о́кру́га полусонная молчит.
Иное здесь таится за кулисами,
инаковая музыка звучит.

Необратимым стиснута течением
душа моя, как полая вода.
Каким неодолимым попечением
ей суждено растаять без следа?

Бедю сло́ва беззащитно существу
в бессмертии уверенности нет...
Я не узнáю, голосу зовущему
взлетала или падала в ответ.

(перевод с армянского языка А. Расторгуева)

Когда среди заснеженной глуши
твоё простое имя называют,
на глубине раздвоенной души
цветы надежды новой оживают.

Когда тоска-тревога настаёт
по древним дням твоим и переменам —
подобно кочкам клюквенных болот,
она цветёт опасливым кармином.

И, об армянах долгий разговор
ведя со мною посреди Сибири,
не заглушит моё кедровый хор
излюбленное соло о Наири.

Пока берёзы соком по весне
меж небом и землёй неуголимы,
ты навсегда останешься во мне —
душа и плоть вовек неразделимы.

В круговороте вечном бытия
мы все — плоты земные воедино.
Я — маленькая косточка твоя,
и ты — моя живая сердцевина.

(перевод с армянского А. Расторгуева)

Моё полувесеннее видение —
меня в ночи беззвёздной не зови,
когда планету сотрясёт падение
убитой равнодушием любви.

Спокойно, наважденье недолетнее,
безмолвной наслаждайся тишиной —
ты выпил губ движение последнее,
последний свет зашторил надо мной.

И ты, Всевышний, отдохни за ставнями,
любовным опаляющий огнём...
Но всё, что надо, на столе расставлено —
преломим хлеб и водкою запьём.

Сойди с небес, пока я в стельку пьяная —
грудь нараспашку, совесть наголо.
Венцом над головою покаянную
зажги в морозном воздухе галó.

(перевод с армянского А. Расторгуева)

МАРГАРИТА СЛАДКОВА

ВОЗМОЖНО

Снова снята защитная маска.
Испаряется кожный покров,
и живой стих, растворённый в обнажённой душе,
перетекает в другую систему мер.
Найдёт ли родственную душу, соответствие?
Признает ли мир, переполненный
информацией, и его
как свою часть?
Разгадает ли глубинную связь с ним?
Тогда, возможно,
слово сможет оставить не только след
и дать ответ на безотчётно
завуалированный вопрос,
но и наделит силой.
Того, кто ищет эту силу.

В НАЧАЛЕ

Погружаюсь в бесполезный блеск
алмазной пыли, печатей и нелепых
цепочек превращений.
И многократно приближаемая ложь
невыносимо жжёт и разъедает зрачки и ноздри.
Минуя относительно беспечное пространство
в условиях реакций и распада,
наконец-то натыкаюсь на себя
на кончике резца — в начале
собственных интерпретаций
в божественном безумстве выбранного варианта.

ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

Невидимые рассветные
звезды стекают
каплями времени
в спящее царство:
в шершавую прохладу песка,
в сурово-зеркальное волнение,
во влажное движение листвы,
в леденящий душу скрежет,
в бездыханный сквозняк замерших городов,
в не огранённые новым днем сознания.
И в рождающемся диалоге неба и земли
начинается подчинение
закону существования:
из песка испаряется ночь и соленый,
холодный хруст превращается
в приветливое шуршание;
волны, пронзённые светом,
начинают веселый переплеск;
зеленые массивы полнятся пением,
голосами и звуками;
бриллиантовым мерцанием оживает белый цвет;
в бетонных муравейниках начинаются
копированные телодвижения
в поиске своей колеи;
сознания встраиваются
во вчерашние сюжеты событий;
пробужденные начинают распознавать
бытие и небытие.
Знающие открывают новые горизонты и мерности
и сами сияют звёздами,
осуществляя живую реальность.

ПОСТФАКТУМ

*Наша память – лом
Ценных цветных металлов.
Не избавиться просто так.
(Т. Юргенсон «Письмена на облаках»)*

Из смолы, иголок и желчи
испить напиток предложен.
Отказ – не в чести.

Оплеухи событий.
Теперь не влезаю в одежду из собственной кожи –
накачаны мышцы души.

Возврат невозможен.
Оставляю свои правду с ложью.
Другие ищу.

Судьбе благодарность.
Когда бы узнала – кто друг...
На крыльях лечу!

СКАЖИ МНЕ СЛОВО

Скажи мне слово языком
проникновенным,
острым, странным,
цветистым, диким, неподдельным,
занятым, тайным и коварным!
Я им дышать желаю.
Пить его. Прикладывать к груди.
В его одеждах и уснуть хочу, и пробудиться.
В его сетях, как рыбка золотая, биться.
В его ночи звездой взойти!
И богоданным алгоритмом
в полёте восхищенно-колоритном
тебя порадовать хочу я тоже —
живым творящим словом Божьим...

«ОСЕНЬ ХУДОЖНИКА»

*По мотивам картины А. Курникова
«Осень художника»*

Аплодисментов солнечные выбросы,
неравномерный шлёп, шуршание.
И вот — последний задний ход
за бурно-бархатное зазеркалье.
И гул меняется на оглушающую тишину
и барабанный бой сердцебиения
до заклинания вздох,
до отрезвления,
до оголённых проводов,
до узнавания,
до удивления до слёз,
до ожидания
освобождающих чудес
и тихих выводов...
До одиночества.
До боли вымотав...

ШАМАНКА

Он что-то сказал... И улыбка блуждала.
И звуки к словам подошли безупречно.
Всё было «Оле!» Но, она уже знала...
И слово — враньё, ну и чувства, конечно.
Совицей летела, как в свет пресловутый,
горячей волной обжигающий перья.
А глаз — он и так на свету не помощник,
в чувствах земных — так совсем не уверен...
Но сердце вещуньи живёт по законам!
Любовь-не любовь... это девичьи бредни.
Судьба снизошла этим светом к бутону.
И хочешь-не хочешь... участи предан.

КЛУБОК

Басня

Витая в облаках на mail.ru в скоплении разнuzданных иллюзий изменчивый обмысленный клубок вдруг захотел пожить, как люди и, спрыгнув на извилистую серенькую ветвь, гнездиться стал, для этой жизни набирая вес и форму.

Осёдлое сознание подсовывало темы: тут ценят золотые слитки, алкоголь, не очень обременительные биосвязи, но ты постой, не торопись — без веса и полезных отношений среди подобных, выпадешь в осадок, дождём просыпешься (или просыплешься), не важно, в общем — испаришься.

И «чудо-клуб» пристроился. Вертеться. Но получалось всё вокруг своей оси, ну, чуточку, как в сказке «Колобок», случалось пробежаться... Вот так и завертелся среди зацененных пристрастий — то колобком кружась, то убегая лесом, за собой хвостом следы шлифуя.

Так это я о чём?! Фильтруй, что в голову свою впускаешь. Иначе проживёт тобой любое неживое.

ЕВГЕНИЙ СТАВРОВСКИЙ

НАЧИНАЮ С СЕБЯ...

Я новый путь начинаю...
Прошлое? Прочь от меня!
Всё, что загадано, знаю,
Сбудется с этого дня...

Сердце наполнено светом,
Сердце поёт о любви:
В мире, теплом обогретом,
Радуйся, веруй, живи!

Время от марта до мая —
Словно дитя, как старик,
Жду я, душой принимая
В вечность растянутый миг...

Вижу — проклюнулось семя
В мыслях, почуяв тепло:
Добрым событиям время,
Видимо, снова пришло.

Прошлое вон изгоняю
И, бесконечно любя,
Мир навсегда изменяю —
И начинаю с себя...

MAME

Дарование Христово,
Бесконечный Божий свет —
Мама — есть такое слово,
Что дороже в мире нет.

Под крылом её родимым
Мы прокладываем путь
По краям необозримым,
Покоряя Млечный Путь!

И куда бы ни кидала
Нас нечаянно судьба,
Наш покой оберегала
Материнская мольба.

У ворот святого Храма,
Поклонясь, перекрестясь,
Матерь Божья, просто мама,
Тайно молится о нас.

И святая, и земная —
Память сердца, плоть и кровь!
Мама, мамочка родная —
Бесконечная любовь...

МОЛИТВА

Встав перед Божьим ликом
В отблесках ста свечей,
Шёпот наполню криком,
Криком души моей,

Слёзным наполню всхлипом
К Богу свою мольбу —
Плачем, дыханьем, хрипом...
И три перста ко лбу!

Болью молитва дышит,
Мукой на каждый вдох —
Может, меня услышит
Мой милосердный Бог?

Может, беду-потерю
Раной прижжёт в огне
И прегрешенья — верю! —
Тихо отпустит мне?

Я перед Ним предстану,
Тёмной душою наг.
Знаю, святым не стану,
Но помышляю так:

Грешным живу я, Боже,
Веру в душе храня!
Я не святой... и всё же...
Не отвергай меня!

ДВЕРЬ В КОРОТКОЕ ЛЕТО

Оживает Сургут,
Хоть пока и прохладно,
Ветеркам там и тут
Подпевая нескладно.

Почки, чуть народясь,
Затаились от стужи,
И весення грязь
Отвердела снаружи.

Утки серую высь
С перелёта крылами
Режут – только держись! –
Где-то над куполами.

На газонах трава
Пробивается вяло,
Завернувшись едва
В иней, как в одеяло.

Стынет май, третий сын
От весны, в непогодах...
С ним один на один
Зябнет мир на восходах.

Что Сургуту весна,
Редким солнцем согрета?
Что Сургуту она?
Дверь в короткое лето...

АВГУСТ

Пробегают лето скоротечно,
Вот и август — добрая пора!
В тёплой мари, трогательно-вечной,
Коротаю время у костра...

Ветерочек ласковый, привольный
Заблудился в кронах ивняка.
В кедрачах, в берёзах белоствольных
Зазвучала песня ветерка.

Наблюдаю сонно и лениво,
Как гуляет рыба по реке,
Как волна течёт неторопливо
И ущица спеет в котелке.

Головой качаю — вот досада:
Язь с крючка сорвался, как на грех...
Слышу в далях звёздного распада
Птиц ночных далёкий пересмех.

В костерке огонь ещё танцует...
Посижу немного у воды,
Где круги поклёвкой рисует
Поплавок бамбуковой уды.

Время сонно движется к рассвету,
Здесь легко — не хочется домой...
Улыбнусь загадочному лету:
Здравствуй, август, друг старинный мой.

В КАФЕ

Пустые столики по кругу
В кафе безлюдном... Только мы
Сердца пытаемся друг другу
В нём отогреть среди зимы.

Официант, паря воздушно,
«На чай» выказывая прыть,
За сотку нам великодушно
Позволил даже закурить.

В кофейной пене при затяжке
Упавший пепел с сигарет
Рисует смайлы и мордашки —
И нам забавен этот бред...

В разливах мягкого неона,
Под полугромкий полуджаз,
Молчат два глупых телефона
И говорят две пары глаз...

Две стороны одной медали,
Две рифмы в сбивчивой строфе,
Мы врозь по прошлому блуждали —
И вот мы здесь. Вдвоём. В кафе...

Да, потрепало нас. Но всё же,
Сведя «на нет» войну полов,
Мы в треугольниках, похоже,
Чуть поубавили углов.

Ушли измены и обманы,
Удары «бывших» по судьбе,
И подживающие раны
Ты лечишь мне, а я — тебе.

Былое вспыхнет мишурою
И отойдёт куда-то вдаль...
Кафе к полнóчи закроют —
Ну, что ж... Хотя, немного жаль...

Мы соберёмся торопливо...
Расстаться? Боже, упаси!
И улыбнёшься ты игриво:
«К кому поедем на такси?..»

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Как темно мне при ярком свете!
Видно, чаша любви пуста...
Прошгодней полыни ветер
На твои возложу уста.

У всего есть цена, возможно...
Память сердца — что липкий снег.
Выпит кем-то другим безбожно
Нашей тайны короткий век.

Я душою с тобой срастался —
Тихий шёпот, рука в руке...
Но теперь от тебя остался
Только след на речном песке.

Силуэтом на акварели
Мы с тобою одним цвели,
Мы единым крылом летели,
Крест один на двоих несли...

А теперь разошлись дороги,
Разделились сплошной стеной —
Значит, разные были боги
На иконах у нас с тобой...

СПАСЕНИЕ (ЛОДКА)

Эту лодку прибило случайно
К моему побережью волной...
Как стемнело, от хижины тайно
Я спустился к воде ледяной.

В лодке нет никого, это точно,
Нет хозяина (добрая весть!)...
Вижу — буквы белеют молочно
На бортах, но во тьме не прочесть.

Лодка вроде крепка́. И пожитки
К носу чья-то сложила рука...
Я не верил, продрогший до нитки,
Ошарашенный чудом слегка.

Каждый день отмечая зарубкой,
Три томительных года почти
Я бродил тут по наледи хрупкой
И не чаял спасенья найти.

Тихо радуюсь я, торжествую!
Вдоль бортов — два упругих весла!
С этой лодкой надежду живую
Мне стихия волной принесла.

Знаю, плыть мне по Солнцу, к восходу —
Там родная, как мать, земля.
И плевать на дрянную погоду,
И не нужно мне ждать корабля.

Я до хижины шёл, как в тумане,
Как под мóроком, словно во сне:
Может, спятил я здесь, в глухомани?
Может, лодка привиделась мне?

Мысли — роем, без всякого счёта,
Но мне в хижине нужно одно —
Лишь помятое старое фото,
Что я прятал в гнилое сукно...

...Отбивая зубами чечётку,
Свято веря в счастливый исход,
Оттолкнул я от берега лодку
И направил её на восход.

День за днём, на весло налегая,
Стёр я руки свои до крови...
Где земля ты моя дорогая?
Полосой горизонт разорви!

Сколько суток я грёб, окаянный,
Сколько миль я тогда пересёк —
Не припомню уже, точно пьяный...
Только лодка уткнулась в песок.

И, на берег ступив, я очнулся,
От земли ощутив теплоту.
Я на лодку свою обернулся —
И... «Господь»... прочитал на борту...

НИКОН СОЧИХИН

СТИХИ О СТАРШИХ БРАТЬЯХ

Не дочитывались книги,
Отставлялись топоры
Под надрывный плач и крики
Первогоднешней поры.

Головастые парнишки,
Кем гордился сельсовет,
Наши старшие братишки
За отцами шли вослед.

Был их путь суров и светел.
Встреча им — цветы и прах.
От пожарищ дым и пепел
Опадали в волосах.

В славный Май земля оттёпла,
Взялись книги и топор.
Но никто волос от пепла
Не отмылил до сих пор.

И на сельском обелиске
Втиснены, как в письмамена,
Имена родных и близких —
Дорогие имена.

ПАМЯТНЫЙ УРОК

Я не зря сейчас припомнил
Те далёкие деньки,
Когда мы на сжатом поле
Собирали колоски.

Шаг за шагом, без оплошки,
Наклонясь сто раз на дню,
Свои детские ладошки
Обжигали о стерню.

Давний, памятный урок...
И теперь, стихи слагая,
Больно сердце обжигаю
О стерню горячих строк.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Кто он, неведомый художник?
Каков? И в чём его секрет?
На полюс погрузив треножник,
Рисует он. Но чей портрет?

То гений. То пустой марака.
Что хочет в мир произвести,
Когда проглянет вдруг из мрака
Такое — глаз не отвести.

И мы глядим, как вдохновенно
Творит он эти чудеса.
А буровая, — как антенна,
Нацеленная в небеса.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Ещё зима в правах и силе,
Ещё она грозит пургой,
Но мы-то видим: над тайгой
Всё больше краски голубой,
Потом оранжевой и синей.

Открыты форточки балков.
Теплень... Весна не за горами.
И мастер, погударив с нами,
Рисует график отпусков.

ПЕСНЯ О ГЛУХАРЕ

Картечь прошла его насквозь,
И огонёк потух.
Пришли. Повесили на гвоздь
Такую красоту.

А тот, с ружьём, он знал своё.
Он был герой. Он цвёл.
Он был доволен, что её
На мясо перевёл.

Уж каждый в мыслях ел его.
Уж чугунок вскипал.
Глухарь висел и ничего
Уже не понимал.

Не знал он, в чём его вина.
Что с сердцем? Что с крылом?
И в клюве клюквинка одна
Горела янтарём.

Мы засыпаны снегами
Девять месяцев подряд.
А над нами, а над нами
Самолётики летят.

Серебристые крестики,
Лебединые крестники,
Пролетают. Пролетают.
Словно что-то говорят.

Ах, сказали мне они,
Что на шатком том причале
Ты стоишь одна в печали
Без подруг и без родни.

За рекой горит закат.
По реке проходит катер.
И о гулкий дебаркадер
Волны нехотя стучат.

Всё ты думаешь, что вот
Из-за той вечерней кромки
Весь в огнях, в веселье громком
Мой возникнет теплоход.

Не такой я человек,
И грустишь ты зря, ей-богу,
Вот дострою я дорогу
И вернусь. Уже навек.

НОЧИ В ИЮЛЕ

Эй, бурматросы,
Бросай папиросы,
Бросай папиросы — пошли «на горá».
Отставить вопросы.
Проверить насосы.
Но, чтоб — кровь из носу —
Сгонять до утра.

А ночи в июле,
Ах, ночи в июле!
Звезда в карауле над буровой...
О чём же, роднули,
Вы нынче взгрустнули?
Ну, глубже вздохнули —
И всё как рукой!

И я, между прочим,
В Пицунде и Сочи
На тёплый песочек не против присесть.
Однако, короче:
Наш труд поворочать
Не много охочих,
И в этом нам — честь!

После тяжёлой работы
Хочется лечь и заснуть.
В тёплую тину дремоты
Тихо тонуть и тонуть.

В мыслях — ни слов, ни желания,
Будто бы с этих вот пор
Выключил зажигание,
И остывает мотор.

* * *

Тихие аллеи обнимает сумрак.
Зажигают улицы все свои огни.
До свиданья, город,
встретимся мы утром.
Ты не обижайся, извини.

Ты прости, что рано в нашем общежитии
Свет погашен в верхнем угловом окне.
Спят мои товарищи. Спят твои строители,
Трудовые руки разметав во сне.

Милые ребята, что вам нынче снится?
Не берусь отгадывать, не гадалщик я.
Может, приднепровские в вишенках криницы.
Может быть, уральская рудная земля.

Я хочу, ребята, чтоб вы были счастливы,
Вы достойны счастья, может, как никто.
И звезда далёкая к нам глядит участливо
И со мной, наверное, думает о том.

Тихие аллеи обнимает сумрак,
Зажигают улицы все свои огни.
До свиданья, город,
встретимся мы утром.
Ты не обижайся, извини.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Пусть снова вьюга злится,
И леденеет даль,
Но клюнула синица
О ледяной хрусталь.

И смотрит день с улыбкой,
Как тётушка сосна
Качает солнца зыбку,
А в зыбке той — весна.

Ещё не скоро лето,
Не слышно, не зови.
Ещё за морем где-то
Зимуют соловьи.

И всё ж светлеют лица,
И розовеет даль.
И клюнула синица
О голубой хрусталь.

АЛЕКСЕЙ ТОМШИН

ПАМЯТЬ

Они служили честно. Обо мне
Тогда совсем ещё не знали.
На страшной и безжалостной войне
В бою меня собою прикрывали.

Я благодарен дёдам за любовь,
Которую они несли по жизни.
За раны и лишения, за кровь,
До капли пролитую за Отчизну.

Дал сыну жизнь один, а дочери — другой.
И потянулась смена поколений.
Ах, как мне хочется коснуться вас рукой,
Пред вами преклонить свои колени.

В честь вас грохочет праздничный салют,
А на параде той большой победы
Праправнуки портреты понесут:
В полку бессмертном маршируют дёды!

БЫЛЬ

Всей деревней, как водилось в старину,
Синеглазого парнишку на войну
Провожали, а невеста — бровь дугой —
Прошептала: «Возвращайся, хоть какой!»

Через год приходит матери конверт,
Но не парень тот прислал родне привет.
В нём казённая бумага руки жгла,
Похоронкой называлась она.

Горевали по парнишке стар и млад,
Но однажды постучался в дверь солдат.
Он из госпиталя, раны залечить...
И идёт родных он друга навестить!

Голос незнакомца с хрипотцой,
На груди — медали, орден со звездой.
Только невозможно на него смотреть.
Может быть, и правда — лучше умереть.

На лице танкиста страшные ожоги.
Сердце материнское сжалось от тревоги.
Исподлобья смотрят с синевой глаза,
По щеке морщинистой потекла слеза.

Тут пришла невеста, та, что бровь дугой,
А взглянув, закрылась от него рукой.
Посидели молча, а на утро он
Тихо попрощался и ушёл на фронт.

Как-то после боя получил письмо:
«То, что не узнали, ты прости сынок!»
А невеста пишет, та, что бровь дугой:
«Милый, возвращайся! Ждём тебя домой!»

Вы не услышите возвышенных стихов,
И в Вашу честь не прозвучат тирады.
Я накопить успел уже без Вас грехов,
Но думаю, что будете не рады
Услышать от меня сей горький стих,
Который призывает к покаянью.
Я, как удав, спокоен — я ж не псих.
Я только призываю к пониманью.
Друг другу всё труднее объяснять
Весомость слов и даже их значенье.
Не успеваешь мысль записать,
Чтоб родилось потом стихотворенье.
Но как же достучаться до души,
Которая тебя не хочет слышать.
И я опять один в ночной тиши
Пишу. А вдруг меня услышат свыше.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗВЕЗДА...

Горит последняя звезда,
Прошедшей ночи не забуду.
Как счастлив был, я впредь не буду
Уже, наверно, никогда.

Горит последняя звезда,
Давая хрупкую надежду,
Что всё останется как прежде,
Ты не исчезнешь в никуда.

Горит последняя звезда,
Наступит горькое похмелье.
Любви истраченное зелье
Оставит память на года.

Горит последняя звезда,
А небо навело румянец.
Зари предутренней багрянец
Нас разлучает навсегда.

Горит последняя звезда,
Прошедшей ночи не забуду.
Как счастлив был, я впредь не буду
Уже, наверно, никогда.

Горит последняя звезда...

СВЕЧА

Светят в ночи фонари
Ярким холодным огнём,
Что навевают они
В сердце ранимом моём?

Может, свечи огонёк,
Что так призывно дрожал,
Как из костра уголёк,
Пламя в груди разжигал.

Свечки давно этой свет
В лужице воска погас.
Рядом тебя больше нет.
Ночь наступила для нас.

Светят в ночи фонари,
Всё освещая вокруг,
Но не подскажут они,
Где ты, единственный друг.

Только не ярко свеча
Светит, от ветра дрожит.
Но согревает она
Тех, кто другим дорожит.

И пусть сияет в ночи
Уличный свет фонарей.
Не погасить бы в душе
Маленькой свечки своей.

ТРЕПЕТНЫЙ МОМЕНТ

Прижался к нежной глади щек
И к тонкой шее прикоснулся.
Истомы захлестнул поток,
Я в воды страсти окунулся.
Манящий аромат волос,
Момент был трепетно волнуем.
Я молча задавал вопрос —
Ты отвечала поцелуем.

Нам годы были не бедой,
Мы оба ждали этой встречи.
И восхищался я тобой:
Какая стать и грудь, и плечи.
Манящий аромат волос,
Момент был трепетно волнуем.
На молчаливый мой вопрос
Ты отвечала поцелуем.

Минуты встречи пронеслись.
Часы свиданья вдаль умчались.
Мгновенья к небу вознеслись,
Но в памяти моей остались.
Манящий аромат волос,
Момент был трепетно волнуем.
Я счастлив, что на мой вопрос
Ты отвечала поцелуем.

ВЕТЕР

Завывает ветер в проводах
Монотонной сменой мелодий.
И напоминает о годах,
Словно говоря, что всё проходит.

Теребит зеленую листву.
А деревья кронами вершушек
Задевают неба синеву,
Тишину звенящую послушать.

Ветер хулиганит. Холодком,
Не стесняясь, лезет под рубашку,
Лижет своим нежным языком —
И по телу бегают мурашки.

Он сегодня в духе. Хорошо!
Поднимает рябь на водной глади.
Словно осознав, что день прошёл,
Затихает где-то, на ночь глядя.

ЖИЗНЬ, КАК ОГРОМНЫЙ ВОКЗАЛ...

Жизнь, как огромный вокзал,
Каждый стремится найти свой вагон.
Но я опять, как всегда, опоздал,
И предо мной опустевший перрон.

А уходящего поезда стук
С сердцем моим звучит в унисон.
Сколько таится в нём встреч и разлук,
И где-то там мой счастливый вагон.

Жизнь нам в вагонах места раздаёт:
В мягких, плацкартных, купейных, эСВе,
В общих, а если совсем не везёт,
Будет стоять твой вагон в тупике.

А проходящего поезда стук
С сердцем моим звучит в унисон.
Сколько таится в нём встреч и разлук,
И где-то там мой счастливый вагон.

В жизни остался один перегон,
Слышу тревожный гудок в тишине.
В поезде этом — счастливый вагон,
И место в нём предназначено мне.

А приходящего поезда стук
С сердцем моим звучит в унисон.
Сколько таится в нём встреч и разлук,
И где-то здесь мой счастливый вагон.

Горят слепящим светом купола
В рассветной дымке, в зареве заката,
Наперебой звонят колокола,
И благовест разносит гул набата.

Сейчас мы точно знаем, что не грех
В минуту скорби обратиться к богу,
И в спину бабушки крестили тех,
Кто отправлялся в дальнюю дорогу.

Кто свято верит, есть на свете Бог,
Сугубо вспомнить не бывает лишним,
Смиренно вопрошать, чтоб он помог,
Колени преклонив перед Всевышним.

ВИКТОРИЯ ФЕДИНА

СЛОВ-ВОПЛОЩЕНИЕ-ВО- ПРОЩЕНИЕ

Слово русское смысловодит,
Радость-горе в судьбе хороводит.
Заряжает контактные импульсы,
Залихватски бросается в дискурсы.
Незатейливо знания множит;
Милосердствует; смыслы итожит;

Точит юмор об иглы-озлобины;
Спорит с нервом фольклорно-особенно,
Где горячий азарт злопыхательный
Высекает заряд основательный
И, бывает, поток бесхребетный
След в душе оставляет заметный!

Научиться бы горе простить,
Излечить болевотворный гнойник!
Сколько их, словоправдцев святых,
Тех, кто лёг за славянский язык...
Память будем мы свято хранить
И, прощая, учиться любить!

СЕМИЦВЕТНОЕ ЧУДО

Дождик чуть покапал и ушёл поспать.
Вместе с ним отправились детки отдыхать.
А проснулись – глянули – на́ небе дуга –
Чудо семицветное смотрит на луга!

Загудела радостным шумом детвора,
Выпорхнула стайками из дверей она,
Понеслась под радугой весело гулять,
Играми-забавами чудо удивлять!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВНУКУ

Баю-баюшки-баю,
Спи, внучок, лада-ладу.
Пусть тебе приснится сон
О царевиче златом.

Он страну твою хранит,
Где покой и мир царит,
Где умеют дружно жить,
Крепко дружбой дорожить.

Солнце-злато там — любовь —
Песни дарит вновь и вновь:
Про тебя и про меня,
Вместе мы — одна семья!

В той семье живут ладком
Я и ты, и весь наш дом:
Папа, мама, баба, дед —
Все живут, не зная бед!

Баю-баюшки-баю,
Спи, внучок, лада-ладу.
Пусть тебе приснится сон
О царевиче златом.

ИНТЕРЕС

Сгорает интерес — есть та черта,
Что жажду утоляет всю — до дна!
Судьба моя, не смей же допускать
Черту отчаянно иль вдруг переступить!
Лишь позволяй у врат её стоять,
Огнём желаний и мечты пылать!

ДОБРОЙ НОЧИ, ГОРОД МОЙ

День про́жит, вечер наступил —
Сургут ложится спать.
В глазницах окон свет погас,
Ночь вышла погулять.

Ты песню колыбельную
Запой скорее, ночь,
Палитрой акварельною
Сны сладко заморочь!

Спи, город милый и родной, —
Рассвет ждёт впереди,
Чтоб воплотить свои мечты,
Сейчас ты отдохни.

Ты песню колыбельную
Запой скорее, ночь,
Палитрой акварельною
Сны сладко заморочь!

Тьма нависла, но ещё не вечер,
Ещё б многое сделать успеть,
А гроза, словно старец на вече,
Призывает о вечном петь.

Ах, уйми свои струи тугие,
Залихватскую прыть приструни!
И шаги разухабно-шальные
За луга, в дальний лес уведи!

Погуляла с душою! Довольно!
Напоила земельку в запас!
Утолила ты сушь корнеплоды,
А теперь увольняйся в запас!

И свекровь вот забилась в угол —
Страшно ей за семью, за себя —
Молит Бога, чтоб сгинул гром-идол,
Отвлекаясь: «Уйди от окна!»

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ

Осколки памяти тревожат,
Терзают, ноют, колят, гложат,
Что мало сделано живого,
Что лень жжёт; успех — былое!
Всё! Поздно, поздно — нет желаний!
Лишь тень из брызг воспоминаний.

ГОЛОС-ПТИЦА

Голос-птица, рвись из клетки
Из уютной – на простор!
Там пропой проникновенно
Песню с нервом, со слезой!

Петь, чтоб радовать собою
Всех, с кем нас свела судьба!
Каждый миг чтоб очарован
Был, дыханье затая!

Так, лети же, голос-птица,
Душу всю до дна испой!
Окрыляй мир вдохновеньем,
Воплощай свой путь земной!

**ЛЮДМИЛА
ФОМИНА-ЯБЛУНОВСКАЯ**

ОРГАН

Как дань, как тихий приговор,
Струился с небом разговор.
На эти звуки, не спеша,
Вдаль унеслась моя душа.
Я ощутила всё вокруг:
И трепетной свирели звук,
И шелест лиственных лесов
С таинственным молчаньем сов.
Гимн жизни вдруг меня унёс
В край детства, в край родных берёз.
В них путник свой покой искал,
Где звонкий ручеёк журчал.
В картинах жизни, бытия
Прошла за миг судьба моя.
Вернула память мне любовь,
И боль потерь воскресла вновь.
Я всё пережила за час...
И вечный Бах — смотрел на нас.

ПОЭТАМ

Распахните души и внимлите,
Покоритесь выбранной судьбе.
Если взяли, – людям подарите.
Всё, что дали, дали не тебе.

Ты пророк, а это очень много –
Сей добро на выжженной земле.
Ты пройдёшь – проложится дорога,
Чтобы детям не плутать во мгле.

Где надежде места не осталось,
Ты со словом нужным поспеши.
Для поддержки хватит людям «малость» –
Дай любовь – спасенье для души.

БЕССОННИЦА

Лунный свет струится
На мою постель.
Ночью мне не спится...
Что я жду теперь?

Крыльями рассвета
В мыслях унесусь.
Напишу про это,
Вспомню наизусть.

Синей ночи прихоть
Давит, тяготит.
Посижу я тихо —
Пусть весь мир поспит.

Встречу на рассвете
Алую зарю —
Может, утром детям
Книжку подарю.

ОЗАРЕНЬЕ

Нам бы верить в то, что происходит.
Нам бы слышать то, что мы не слышим.
Не для смерти жизнь от нас уходит.
Не для праха видим, слышим, пишем.

Озаренье, то же, что открытье,
Утверждение веры и неверья.
Всё, что дали, всё хочу испить я.
И для неба вырастают перья.

Мне б отведать то, что начертали.
Как постигнуть всё, что создаётся?
Это мы уже руками взяли,
И исполнить многое придётся.

ЧАША СУДЬБЫ

Что даёт судьба...
Вот о чём мольба.
Чаша только лишь.
В руки взяв, глядишь:
Свет, конец, как дно.
Видеть смерть – труд, но...
Трудно, ну и пусть.
Легче будет грусть.

СТЕПЕНЬ ЗРЕЛОСТИ

Вызрел, видно, лес сосновый —
Всюду поросль, кедр да ель.
Лес когда-то будет новый...
Вьёт пока в тайге метель.

Лес гниёт — и сосны пилят,
Зубья пил давно визжат.
Трактор дёрн пронзил навывлет,
В колею олень зажат.

Лес созрел — стоит ситóвый,
Он в цене упал теперь.
Будет ли сосняк здесь новый?
Кто тут прав? — Пойди проверь.

НАЧАЛО ПОСЛЕ КОНЦА

Обреченное зарево взойдёт
Над красой твоих родных просторов.
Что не ждали вы — произойдёт.
Всё это решенье ваших споров.

Брызгами осыплет хрупкий лес.
Вырвется огнём наружу лава.
Не было ещё таких чудес.
Это человеку будет слава.

Всё запомнит тот, кто оживёт,
Возродится, выживет, прозреет.
Новый век непрошено взойдёт.
И Господь, прощённых пожалеет.

ПОСЛАНИЕ

Мой сон в пустыне не одинок.
Стою в вершине высоких строк.
И что мне снится, не знаю я,
Наверно, это судьба моя.

Как будто кем-то рождён в тиши,
Мне послан голос был для души.
И он — загадка для прочих всех.
Я — лишь отгадка — слеза и смех.

Ах, что мне снится, почти прошло.
Во сне незримо ко мне пришло
Миров посланье, ты от кого?
Где моё сердце, где волшебство?

Где моя радость, где мой покой?
И я тоскую, грущу порой,
И рвётся мыслью рождённых рой.
Услышь же, тоже, ты, голос мой.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

(рисунок ребёнка)

Песочные часы, как вечный путь домой.
Куда ни уходи — всегда они со мной.

Сжимает пётлей жизнь в них лента бытия.
Хлопочет мудрой пряхой вокруг судьба моя.

Стекает постепенно без времени печаль.
Уносит незаметно кусочек сердца в даль.

Соизмеряя с сердцем, родное слово «жить»,
Не знаю, как за смертью их в хрупкий ромб
вложить.

И как в нём растворится последняя мечта.
Но знаю, заискрится кристалла чистота.

ЮРИС ХИСМАТУЛЛИН

Пришли мне свою улыбку.
Я очень по ней скучаю.
Пришли мне свою улыбку.
На сладкое.
К чаю.

Пришли мне свою улыбку,
Завернутой в поздний лучик.
Пришли мне свою улыбку
На сон грядущий.

Пришли мне свою улыбку
Дурманящую,
Хмельную.
Нет.
Лучше войди с улыбкой.
И я её
Поцелую...

Уже не спрячешься в тени берёз,
Росой медвяной не омоешь ноги.
И воздух за ночь до костей промёрз,
И иней кроет чёрные дороги.

Стоят туманы, ко́лки, как ежи,
Луна висит большим осколком льдины.
В лесу как будто замирает жизнь
В предчувствии зимы грядущей длинной.

Холодный ветер прячется в траве,
Сметая в кучи жертвы листопада.
Похоже, может только человек
Найти в осеннем дне души отраду...

Мужчина с женщиной рука об руку шли
И любовались, как сады цвели,
С горы сбегала быстрая река,
Лучом пронзало солнце облака.

Из леса слышался то писк, то рык...
И вот навстречу им идет старик.
— День добрый, дедушка!
Здоровья, долгих лет!
Дай бог...
— Я бог и есть, —
С улыбкой молвил дед.

— Спасибо вам за добрые слова.
Знать, не напрасно я открылся вам.
Сегодня где я только не бывал
И людям по их нуждам воздавал.

— А мы? Мы тоже можем попросить?
Нам одинаковое, чтобы не делить.
— Увы, всё рóздал.
Кроме вот — любви.
Она одна.
Возьмете на двоих?

Сверху — небо голубое.
В ноги плещут волны.
Синь внизу, над головою.
В сини утро тонет.

И из сини выплывают
Корабли большие.
Синь глаза мне заливаает.
Синь все шире, шире.

Белый-белый пароходик
По волне упругой
Почему-то вдруг обходит
Меня полукругом.

Убегает дальше, вспенив
Море за собою.
И напрасно на ступенях
Я машу рукою.

В этой сини, как в тумане,
Разглядеть непросто
В синем утре мальчугана
В синенькой матроске.

Падали с неба горящие звёзды...
Я в этот ливень подставил ладони –
Звёзды прожгли их,
Как горькие слёзы...
Это я помню...

Слёзы лежали на тонких ресницах...
Падали,
Жгли,
Как высокие звёзды...
Начисто выжгли улыбки на лицах...
Горькие слёзы...

Падали звёзды...
По крыше стучали...
В такт ослабевшему сердцу больному...
Сердце устало...
А звёзды ночами...
Падали снова...

Падали звёзды...
А сердце молчало...
Высохло,
Словно истерзанный стебель...
Падали звёзды...
А мне показалось...
Падало небо...

На дальней стороне,
Где не бывает ночи,
Не жгут в домах огней,
Жизнь веселей и проще.

На дальней стороне
Я поселюсь однажды.
Построю среди камней
Дворец многоэтажный.

Для всех открою я
Его резные двери:
И пусть придут друзья,
Я их люблю, им верю.

У них так много слов
О дружбе и о мире.
В них вечная любовь
И души наших шире.

На дальней стороне
Я поселюсь однажды.
Построю среди камней
Дворец многоэтажный.

Не жалко будет мне,
Не горько и не странно
На дальней стороне
Забывать другие страны...

ПРО ЗАМКИ

«Мы скоро будем жить в Сургуте! —
Я громко хвастал детворе —
Там удивительные люди,
Там снег ложится в сентябре,
Там возле дома — буровые,
Там Обь и кедры вековые,
Там летом нет на небе звезд,
Зимой — безжалостный мороз.
Там нефть и газ в тайге, в болотах,
Полно грибов, полно зверей,
Там нет дорог, и до дверей
Тебя везут на вертолете.
А двери, кто б подумать мог,
Не запирают на замок!»

Всё так и было в детстве нашем:
Десятилетним пацаном
Тайгу исследовал бесстрашно,
Что начиналась за окном.
Мечтал бурить земные недра.
В жару, мороз и злые ветры
Работать так, чтоб первым быть
И даже орден заслужить.
Проказам, шалостям не чужды,
В необустроенных дворах
Умели с выдумкой играть.
И в играх зарождалась дружба...
И почитали стариков,
И были двери без замков.

Наверно, жили мы особо
В семидесятые года:
Не зная зависти и злобы,
Помочь готовые всегда.
Мы были равные среди равных
И были правые среди правых.
Гордились матерью-отцом.
Прослыть боялись подлецом.
И, благодарные природе,
Кормились с речки и тайги,
И честь старались-берегли...
И сладко-горестно сегодня,
Когда захлопну двери я —
Неужто без замков нельзя?

Позови меня в даль
Светлую,
Обещай небеса
Чистые.
Обещай мне всегда
Вётрами
Наполнять паруса
Быстрые.

Позови меня в даль
Светлую.
Где туманы в степи
Синие.
Где растут города
Белые.
Назови их моим
Именем.

Поверь, ты будешь вечно молодой.
И будешь ослепительно красивой.
Тебя, любуясь каждый миг тобой,
Хотел я сделать самую счастливой.

Не дать растаять искоркам в глазах
И губы напоить вишневым соком.
Помочь расправить крылья-паруса,
Рука в руке лететь к звезде высокой.

Мечтать и верить,
Спорить и гадать:
А есть ли кто ещё тебя красивей...
Поверь, ты будешь вечно молода.
А я?
Ты счастлива, и я —
Стократ счастливей...

ОГЛАВЛЕНИЕ

О городе, авторах и сборнике	3
АНЖЕЛИКА БИВОЛ	5
Жить	7
Блуждающие звёзды	8
Влюблённый клоун	9
«Замри, почувствуй не дыша...»	10
Всё, как всегда	11
В ночи опять метель кружится	12
«Живу, как у Господа в тёплой ладошке...»	13
«А время беспечно торопится вдаль...»	14
Какая малость	15
Быть	16
АЛЕКСЕЙ ГОРСКИЙ	17
Об удаче на даче	19
Замело, задуло, запорошило	20
К начальству	21
Не трогайте	22
Почтовая любовь	23
Вчера на день я был моложе	24
Года...	25
Покоритель знаний	26
Ах, Первомай!	27
Пока живём	28
ЛЮДМИЛА ЕЛИСТРАТОВА	29
Ландыши	31
Хрупкая женщина	33
Страстное танго	34
Два сердца	35
Кокон судьбы	36
«Что затаилась опечаленно...»	37
Для чего мне дано...	38
Смирение	39
Вслед...	40

ЕГОР ЕЛИСТРАТОВ	41
Восторгаться или плакать?	43
Древо	45
Дуновение	46
«Кто же на вечернем небосклоне...»	47
Летучий голландец	48
Мой город	49
Сон	50
Тайна	51
ГАЛИНА ИЛЬИНА	53
Опять наступила весна	55
«Весеннюю песню синички...»	56
Весеннее настроение	57
Художникам всех искусств	58
Гимн загородной поездке	59
Для нас с тобой	60
Расставание	61
Кто говорит, что Север не прекрасен, тот ничего не смыслит в красоте	62
Защитнику Отечества	63
Чудеса весны	64
ЕЛЕНА ИНЧОЛЬ	65
Колибри	67
«Пейзаж осенний как открытка...»	68
Интуиция	69
«Скажи, пожалуйста, Архангел Михаил...»	70
«Мерцает жемчугом сиреневым...»	71
НИНА КАЛЕНДАРЕВА	73
Лето на проспекте	75
Утро на террасе	76
О молодом рыбаке	77
Нас покидает снег весной	78
Реченька	79
Ой, зеленый дол	80
Ой, малина! Ой, дивчина	81

Восторг	82
Лиловое утро	83
Встречи над рекою	84
ЛЮБОВЬ КОРОБКИНА	85
Размышление	87
В моём городе белые ночи	88
Памятный день	89
Мелодии природы	90
В Прощёное воскресенье	91
Звучала музыка органа	92
Новогодний ангел	93
Весеннее брожение	94
Хорошо, что мама есть	95
«Пусть будет, что Богу угодно...»	96
АЛЕКСАНДРА ЛАЗАРЕВА	97
Исповедь	99
Моя мама	100
Россиянину	101
Дождь	102
Ты уехал	103
Я люблю твои руки	104
Солнечный цветок	105
Царство сибирское	106
Подруге	107
Память...	108
НАДЕЖДА ЛИШМАНОВА	109
Весна	111
Время поговорить	112
Сон	113
Идёт кино	114
Холм памяти	115
Ливень в городе	116
Заброшенный дом	117
Обман	118
«Через щёлочку дверную...»	119

Морозные зарисовки	120
АЛЕКСАНДР ЛЮБЯКИН	121
«Осень. Подкралась прозрачность небес...»	123
«Я пришёл, сделай ты ко мне шаг...»	124
Заплутавшее счастье	125
«Чуть вечер шевелит верхушки сосен...»	126
«Расстаемся мы с тобою...»	127
Верю	128
«Я, поймав взгляд любимый Ваш, вздрогнул...»	129
Подводит осень жизненный итог	130
Весна заблудилась	131
«Я, кажется, в тебя влюблен ...»	132
СЕРГЕЙ МЕЛЬНИКОВ	133
Сильва	135
ВЯЧЕСЛАВ САЗАНОВИЧ	143
«Огибающая тень высотки...»	145
Смычок и скрипка	146
Высота	147
Диалог	148
Прощание	150
Морозная бессонница	151
«Ты вроде бы по-прежнему со мной...»	152
Чародейка	153
Плюсы	154
НАИРА СИМОНЯН	155
Тоска по античности	157
Элегия на ночных аккордах Севана	158
«Тех, что помнят наши глаза...»	161
«Теперь я каждый день благословляю...»	162
Осенняя элегия	163
«Как будто птицы стали безголосыми...»	164
«Когда среди заснеженной глуши...»	165
«Моё полувесеннее видение ...»	166
МАРГАРИТА СЛАДКОВА	167
Возможно	169

В начале	170
Гвардейская лента	171
Порядок вещей	172
Мастер дня	173
Постфактум	174
Скажи мне слово	175
«Осень художника»	176
Шаманка	177
Клубок	178
ЕВГЕНИЙ СТАВРОВСКИЙ	179
Начинаю с себя...	181
Маме	182
Молитва	183
Дверь в короткое лето	184
Август	185
В кафе	186
Память сердца	188
Спасение (Лодка)	189
НИКОН СОЧИХИН	191
Стихи о старших братьях	193
Памятный урок	194
Северное сияние	195
Приметы весны	196
Песня о глухаре	197
«Мы засыпаны снегами...»	198
Ночи в июле	199
«После тяжёлой работы...»	200
«Тихие аллеи обнимает сумрак...»	201
Весенняя песенка	202
АЛЕКСЕЙ ТОМШИН	203
Память	205
Быль	206
«Вы не услышите возвышенных стихов...»	208
Последняя звезда...	209
Свеча	210

Трепетный момент	211
Ветер	212
Жизнь, как огромный вокзал...	213
«Горят сплящим светом купола...»	214
ВИКТОРИЯ ФЕДИНА	215
Земля – мой дом	217
Слов-воплощение-во-прощение	218
Семицветное чудо	219
Колыбельная внуку	220
Предсентябрьский дурман	221
Интерес	222
Доброй ночи, город мой	223
«Тьма нависла, но ещё не вечер...»	224
Осколки памяти	225
Голос-птица	226
ЛЮДМИЛА ФОМИНА-ЯБЛУНОВСКАЯ	227
Орган	229
Поэтам	230
Бессонница	231
Озаренье	232
Чаша судьбы	233
Степень зрелости	234
Начало после конца	235
Откровение	236
Послание	237
Песочные часы	238
ЮРИС ХИСМАТУЛЛИН	239
«Пришли мне свою улыбку...»	241
«Уже не спрячешься в тени берёз...»	242
«Мужчина с женщиной рука об руку шли...»	243
«Сверху – небо голубое...»	244
«Падали с неба горящие звёзды...»	245
«На дальней стороне...»	246
Про замки	247
«Позови меня в даль...»	249

«Поверь, ты будешь вечно молодой...» 250

**Анжелика Бивол
Алексей Горский
Людмила Елистратова
Егор Елистратов
Галина Ильина
Елена Инчоль
Нина Календарева
Любовь Коробкина
Александра Лазарева
Надежда Лишманова
Александр Любякин
Сергей Мельников
Вячеслав Сазанович
Наира Симонян
Маргарита Сладкова
Евгений Ставровский
Никон Сочихин
Алексей Томшин
Виктория Федина
Людмила Фомина-Яблуновская
Юрис Хисматуллин**

Ветер вдохновения

Дизайнер обложки Евгений Ставровский
Редактор Маргарита Сладкова
Корректор Любовь Коробкина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero